«И весною взойду...»

Микола Чернявский

SHOUT
SHARE
IT

Микола ЧЕРНЯВСКИЙ

«И ВЕСНОЮ ВЗОЙДУ…»

Повесть о друге

А над песняю той, недапетай,
Прагудзела труба жураўля:
Тых,
З кім дзеліцца неба
сакрэтам,
Маладым забірае зямля.

Анатоль СЕРБАНТОВИЧ

Где-то года два назад позвонила мне Римма Ковалева, доцент кафедры фольклора Белгосуниверситета. Поделилась новостью: на одном из сайтов в Интернете появилась их литературно-художественная программа — альманах «Дзьмухавец». «Не видел? О чем он? Рассказывает о жизни университета, о его знаменитых выпускниках, в том числе о писателях, которые в разные годы учились здесь. Если тебе интересно, зайди на наш сайт, можешь даже скачать на свой компьютер, и даже распечатать, если понравится. Ты не заходишь на наш сайт?» Услышав, что я не умею работать с Интернетом, этим чудом человеческого разума, удивилась: «А ведь у нас есть специальная рубрика, и я хочу, чтобы ты поучаствовал в ней, поделился воспоминаниями о годах учебы, жизни в общежитии (может, еще не забыл, как мы устраивали танцы в вестибюле), напечатал свои стихи о студенческом житье-бытье, какие сам посчитаешь интересными. Не думаю, что в памяти ничего не осталось о том времени. Конечно же, воспоминания остались и стихи найдутся».

Заинтересовавшись таким предложением, долго не раздумывая, согласился. Почему Римма Модестовна, как ее теперь зовут-величают студенты филфака, где она преподает (даже моя дочка Настя была слушательницей ее лекций), не забыла номер моего телефона, обратилась ко мне? Да потому что я помню ее еще вчерашней школьницей, усмешливой девчонкой, когда звали ее просто Риммой, да и не Риммой вовсе, а было у нее свое девичье имя. Нет, мы не учились с ней в одной школе и не были одноклассниками. Совсем другая история

предшествовала нашему не такому уже короткому знакомству. Это позже я узнал: она мне, считай, землячкой приходилась — десятилетку закончила в Речице, оттуда и приехала на учебу в Минск. Совсем неожиданно нас свел университет, тогда еще единственный в республике — БГУ. А скорее, желание учиться в нем, стать студентами. В том августе далекого 1960 года, когда я приехал в Минск сдавать вступительные экзамены, на время их сдачи мне выдали направление в общежитие, которое находилось на улице Димитрова. Где находилась эта улица, наверное, надо объяснить, особенно молодежи, позже ее переименовали в Парковую магистраль, потом в проспект Машерова, а с какого-то времени она стала проспектом Победителей. Так же, как обновлялись и исчезали названия улиц, недавней весной пошел под снос и исчез из уличного реестра, но, надеюсь, не из памяти тех, кто когда-то жил в нем, дом под номером 9. Долгие годы он жался в тени современных высоток, словно мозолил им глаза, и вот «сдался», уступил свое место более современному монстру, уже не жилому, а торгово-развлекательному комплексу. Ничего не поделаешь. Явь наших дней. А тогда была своя — более понятная нам явь...

Держу в руке направление, думаю в растерянности: где искать это общежитие? Смотрю, а я не один такой. Может, спросить ту девушку, которая держит точно такой листок и о чем-то переговаривается с привлекательной молодой женщиной, наверное, матерью?

— Поедем вместе искать! — глянув на меня, решительно сказала женщина и подхватила свой чемодан.

Я не ошибся: Римма приехала с мамой. Из университетского городка мы пошли в сторону проспекта, который тогда носил, по-моему, имя Сталина. Риммина мама, как оказалось, довольно решительная женщина, быстро пошла впереди. Чемодан был тяжелый, но она будто не замечала его тяжести, и мы с Риммой едва поспевали за ней. Что девушку зовут Риммой, я узнал по дороге. Мне сразу понравилось ее имя, такое же было у моей старшей сестры.

Римма шла налегке, руки были свободными, а я кроме чемодана, загруженного учебниками и другими необходимыми вдали от дома вещами, нес, прижимая под мышкой левой руки, большой батон, который прикупил еще утром, выйдя из вагона, в привокзальной булочной. Батон тот весил, наверное, килограмма полтора, я отдал за него четыре рубля на те деньги. А взял большой, потому что боялся: вдруг разберут? Его за раз не съешь, если бы и хотел, так что хватит на день или два. Лишние деньги тратить зачем? Может до дома не хватить. Как добираться тогда?

Я же не рассчитывал, что мне улыбнется счастье: в Доме печати получу целых сто шестьдесят рублей гонорара за стихотворение «Золотые руки», которое было напечатано в июльском номере журнала «Бярозка»! Так что можно было уже купить что-нибудь вкусненькое.

Батон я нес завернутым в газету, из которой он почему-то постоянно выскальзывал. Это мешало мне идти за Римминой мамой так же бойко, как она. К тому же, признаюсь искренне, в те минуты я чувствовал себя неловко перед этой беззаботно-усмешливой девчонкой и ее сосредоточенной мамой за свою деревенскую неуклюжесть: мол, осчастливился, бедолага, ничего подобного раньше в глаза не видел! А по правде — так и не видел. Но про себя все же радовался, что повезло попасть в такую компанию искателей неизвестной улицы и общежития, в котором доведется жить и готовиться к вступительным экзаменам.

Женщина не стеснялась останавливать прохожих и время от времени переспрашивала, не знают ли они, где находится улица имени Димитрова. Последним, к кому мы подошли с таким вопросом, был милиционер-регулировщик на перекрестке около ГУМа. Услышав, что нам надо, он не очень уверенно показал рукой: «Кажется, туда. Но вы еще по дороге у кого-нибудь спросите».

И мы, словно пилигримы, двинулись дальше мимо домов, что стояли по улице Ленина. Перешли трамвайные пути, за ними — широкий бетонный мост, который перекинулся через улицу, где-то там, внизу, слышался размеренный шум машин. За мостом, прямо перед нами, раскинулся пустырь, усыпанный битым кирпичом, заросший лебедой и репейником. Кое-где на пустыре паслись козы: чем не деревенский пейзаж? Отсюда начиналась улица, застроенная деревянными домиками, они жались друг к другу около приусадебных огородов. Позже я узнал, что это местечко в столице называется Татарская слобода. Такой необычный для столичного города пейзаж еще не один год будет оставаться неизменным, бросаться в глаза некой старосветскостью, а точнее, своей беспросветной убогостью. Возвращаясь сюда, Анатоль Сербантович напишет: «На Паркавай — прыгорбленыя хаты, на Паркавай — высокі інтэрнат...» Тогда он на самом деле казался высоким: из белого кирпича, пятиэтажный, он единственный возвышался на том пустыре, по соседству с деревянными хатенками, потому и бросался в глаза издалека. Увидев его, мы с облегчением вздохнули: это, наверное, и есть то общежитие, которое мы ищем.

Что не ошиблись, поняли, когда подошли ближе. Перед входом в общежитие столпились такие же, как и мы, парни,

девчата с чемоданами и разбухшими сумками — претенденты на таинственно-романтическое звание студента.

— Почему все на улице толпятся, что, не пускают внутрь? — поинтересовалась мама Риммы у какого-то мужчины, который, наверняка, был здесь в качестве сопровождающего дочки или сына.

— Говорят, комендант где-то задержался. А без него никто не может принять абитуриентов, чтобы распределить по комнатам. Сказали, надо подождать...

Одни сидели на высоком крыльце, другие стояли невдалеке группками и в одиночку. Кто-то оживленно переговаривался, а кто-то молчал. Обычная картина: собралось много молодежи, вчерашних, считай, школьников, еще не успели перезнакомиться, избавиться от застенчивости и даже растерянности перед неизвестностью, что ждала их.

Я с тяжелым чемоданом и батоном под мышкой, который едва помещался в растрепанной газете, отстал от своих спутников, пробрался ближе к крыльцу, на голос, который слышался оттуда. Из всех, кто сидел на крыльце и толпился вокруг него, бросилась в глаза фигура паренька. Щуплый, худенький, с детским выражением лица, на котором заметно выделялся не совсем соответствующий его лицу нос (позже друзья и знакомые будут сравнивать с бородулинским), он мне, деревенскому хлопцу, в тот момент напомнил молодого петушка, который был готов закукарекать или броситься в драку из-за любой обиды. Это позже (не обращайте внимания, что часто использую слово «позже» и «потом», без них никак нельзя обойтись) старший товарищ по жизни и творчеству поэт Алексей Пысин в предисловии к его посмертному сборнику «Пярсцёнак» сравнит Анатоля Сербантовича с весенним жаворонком, а тогда, на крыльце студенческого общежития.

Он стоял на нижней ступеньке каменного крыльца и, словно подбадривая себя взмахами рук, читал. стихи. Свои или чужие — не знаю. Все, кто стоял рядом, внимательно слушали. Кому-то действительно было интересно, а кто-то, может, думал: ну что за чудак нашелся? А хлопец (можно сказать, даже хлопчик) вдруг замолчал, окинул «аудиторию» взглядом: «А может, кто еще хочет почитать стихи? Кто из вас пишет?»

Желающих не нашлось. Да и откуда им взяться, когда вокруг тебя все чужое, это не перед друзьями слово держать, показывать, что у тебя за душой. Некоторые даже, опасаясь, чтобы этот бойкий «артист» не зацепил его и не вытянул на «трибуну», отошли подальше от крыльца. Я тоже отошел, но, помню, подумал: «Ты смотри, какой смелый! Откуда он, на какое

отделение приехал поступать? Видно, как и я, на белорусское?» Познакомились на консультации. Она была общей для всего филологического факультета. Оказалось, что он поступает на отделение журналистики. Туда, куда я подал свои документы вначале, но мне отказали: не было обязательного двухлетнего рабочего стажа после окончания средней школы. Когда знакомились, он протянул руку: «Анатоль Сербантович. Приехал из Шкловского района». Сразу признался, что пишет стихи и уже печатался в «Магілёўскай праўдзе». Был участником областных семинаров, знаком с поэтами Алексеем Пысиным и Василем Матеушевым. Позавидовать было чему, творчество этих поэтов я знал хорошо по их стихам в газете «Піянер Беларусі», которые печатались в рубрике «Беларускія пісьменнікі — дзецям». Сразу подумалось: палец в рот ему не клади. Какая-то ершистость и категоричность была в его голосе и едва уловимая уверенность в правильности всего, о чем он говорил. И это импонировало. Было видно, что за плечами у него серьезный жизненный опыт. Анатоль был на два года старше меня и уже поработал грузчиком в колхозе после окончания школы. Признаюсь, в правдивость этих слов не хотелось верить: «Не слишком ли ты слабоват для такой тяжелой работы? Разве мешки с зерном да картошкой по тебе?» И что я ошибся, убедился потом в общежитии, когда в шутку решил побороться — редко удавалось «припечатать» его руку к столу.

Разъезжались после вступительных экзаменов друзьями. Расставались с надеждой, что встретимся в сентябре, но уже студентами.

«Ёсць дом на вуліцы Свярдлова…»

Для Риммы Ковалевой я подготовил материал: цикл стихов и зарисовку в прозе «Ёсць дом на вуліцы Свярдлова». Ее завершил вопросом, который наверняка задал бы каждый, кто когда-то, в далекой юности, ступил на то высокое крыльцо, ходил по коридорам общежития, слыл своим среди друзей, находил приют в гомонливых комнатах: «Как ты живешь теперь, наше общежитие, кого радуешь своим теплом и уютом? И будет ли что вспомнить тем, кто ходит по твоим коридорам сегодня?»

Ёсць дом на вуліцы Свярдлова,
Які мне ўсцешвае душу,
Дзе спазнаваў таемнасць слова,
Якім жыву,
Якім дышу.
Сюды мяне вяртае памяць
Нібы юнацкіх дзён святло.

Няўжо было ўсё гэта з намі?
Няўжо ўсё гэта адцвіло?
І сэрца згодзіцца вяснова,
Устрапянецца, як лісток...
Ёсць дом на вуліцы Свярдлова —
Майго сяброўства астравок.

Познакомившись с моей, может, запоздалой исповедью, Римма Модестовна не скрывала своего волнения: мои воспоминания ей тоже навеяли немало о тех событиях, что прошли под крышей этого дома. Я же, возвращаясь в ту неблизкую пору, не забыл лишний раз рассказать о том, как нам жилось в студенческом общежитии, с чего начинался путь моих друзей-ровесников: Миколы Малявко, Эдуарда Зубрицкого, Михася Вышинского, Алеся Масаренко, Михася Заремба, Рыгора Семашкевича, Геннадия Дмитриева, Казимира Камейши, Федора Черни, Иосифа Скурко, Марии Шевчонок, Ольги Ипатовой, и конечно же, Анатоля Сербантовича. Общежитие собрало нас всех вместе и сблизило. Вдали от дома никто из нас не чувствовал себя одиноким, «интернат» учил держаться дружной семьей. А что касается начинающих искателей рифмы, так еще — и семьей литературной.

Пусть у меня и не было с Анатолем такой закадычной дружбы, как, например, с Миколой Малявко, а у Анатоля с Василем Макаревичем, — у всех нас было главное, что с первого знакомства не просто сблизило, но и сроднило, переросло в творческое братство, — это одержимость, стремление поскорее постичь секреты мастерства, показать, что ты не случайно выбрался на эту непроторенную тобой дорожку и сможешь чего-то добиться. У нас не было никаких авторских тайн, мы искренне делились замыслами, тем, что уже сделано, что-то подсказывали друг другу, даже, без всякого сомнения, могли пожертвовать удачно найденной рифмой, образом, если понимали, что сам не сможешь воспользоваться этой находкой. Радовались не таким уже и частым удачам — напечататься в недоступных до этого «Маладосці», «Беларусі», «Полымі», «Вожыку». Или в «Дні паэзіі» и «Чырвонай змене», которую мы, новобранцы, справедливо считали «крестной». А те, кто прошел в ней «школу литературной зрелости», теперь уже нам на заседаниях литературного объединения терпеливо давали уроки мастерства, — Рыгор Бородулин, Владимир Павлов, Иван Колесник, Янка Сипаков, Юрась Свирка, Геннадий Буравкин, Кастусь Цвирка, Степан Гаврусев, Семен Блатун. Они, сами еще молодые, но с талантом от Бога, опекали нас, можно сказать, «зеленых», потому что верили в нас, надеялись на творческий взлет и достижения. И это,

несомненно, подбадривало нас, поднимало настроение, понуждало работать над собой.

Анатоль Сербантович был как раз одним из тех неугомонных, нетерпеливых искателей, он опережал нас, успевал сказать то, над чем кто-то еще раздумывал, не боялся попасть в немилость за правдиво высказанные строки и слова, был одержим заветной мечтой: «Я, нібы зерні, словы сёння // Хачу пасеяць між людзей...» И в то же время: «Не мелка сеяць, не глыбока, // А каб у сэрцах узышлі!»

После прожитых трех лет «зайцем» в студенческом общежитии по улице Свердлова по решению местного студенческого «начальства» (того же председателя профкома университета Анатоля Кудравца, будущего талантливого прозаика, а тогда старшекурсника отделения журналистики, такого же «творца», каким был и я) мне, студенту вечернего отделения и сотруднику Республиканского радио, осенью 1963 года пришлось сказать «прощай» гостеприимному общежитию. Было грустно расставаться с тем, к чему успел прикипеть, где осталась частичка моей души, тем не менее, приглушив в себе волнение перед будущим, перебрался, словно из дружной колхозной деревеньки, которая никогда не знала ни покоя, ни тишины, на незнакомый малосемейный хутор, словно окунулся в другой мир, окутанный грустью и неизвестностью. Благо сборы были недолгими: связка книг, остального было мало — не успел еще к тому времени обрасти вещами.

«Вуліца Грамадская, кватэра прыватная...»

Благодаря подсказке радиожурналиста Анатолия Залевского, который там жил с семьей, квартира нашлась довольно быстро и совсем недалеко от железнодорожного вокзала, на улице Грамадской. Не очень широкая, не всюду заасфальтированная, кое-где мощенная камнем, она находилась по соседству с известной улицей Красивой. Почему известной? Да потому, что в предвоенные годы, да и после войны, там квартировались многие молодые литераторы.

Теперь здесь стоят высотные дома. А в то время в тени яблонь и вишен, груш и слив роскошествовал частный сектор. Мой новый приют находился на втором этаже аккуратного деревянного домика, еще не очень старого, и больше напоминал пристроенную летнюю мансарду, нежели жилое помещение. Но справедливости ради стоит сказать, что хозяева, планируя сдавать помещение квартирантам, утеплили его, в холодное время обогревали — внизу находилась небольшая котельная. Зато

весной и летом был настоящий рай: в одно окно заглядывали ветки соседского сада, а в другое — хозяйская вишня. С двух сторон «голубятню» окружал аккуратный деревянный балкон. На него в погожий день можно было выйти и порадоваться ласковому солнцу, полюбоваться утопающими в садах домиками, ясной голубизной неба. Когда наведывались друзья в гости, то не могли удержаться от искушения протянуть руку в раскрытое окно, чтобы сорвать яблоко или горсть вишен. Они даже завидовали мне: такая романтика вокруг! И стоит ли далеко ходить, чтобы причаститься глотком поэтического вдохновения? Что это было именно так, через много лет припомнил Казимир Камейша в стихотворении «Окно», не забыв посвятить: «Міколу Чарняўскаму»...

Акно расчынялася ў сад
І ціха ўсміхалася лету.
І, просячы мёду, аса
Кружляла над думкай паэта.

Той двор аж стагнаў ад галін.
І падаў за шыбаю яблык
У бездань шчаслівых хвілін
Пад гукі высокага ямба.

Быў кожны сябе маладзей,
Нібыта ляцеў па-над часам.
Смяяўся, свяціўся наш дзень,
Як яблык пад чарамі Спаса.

Хмяліў нас вясёлы той сад
Напоем і нашым, і крымскім.
І ў шклянцы купала аса
Тутэйшага гонару крыльцы.

Было маладым не да сну,
Шукаючы дзіўнага сэнсу,
У сад малады, у вясну
Само расчынялася сэрца.

На той «голубятне», как мы называли ее между собой, я жил со своим земляком Владимиром — сегодняшним ученым, доктором исторических наук, профессором, членом-корреспондентом Национальной академии наук. Он был старше меня и в то лето, окончив отделение журналистики БГУ, пришел работать в редакцию зарубежного вещания Республиканского радио, в которой тогда работал и я. Через какое-то время в

военкомате обнаружили, что он еще не служил в армии, и его призвали на военную службу. Комнату мы снимали вдвоем, поэтому хозяйка посоветовала мне найти замену земляку: не стоит пустовать лишнему местечку на той «голубятне» и каждый месяц терять пятнадцать рублей.

Узнав, что Анатоль Сербантович по каким-то неизвестным мне причинам решил уйти из общежития и ищет жилье, я предложил ему: «Давай подселяйся ко мне! Недалеко, и хозяева порядочные, приветливые». Анатоль даже обрадовался: «А почему бы и нет? Поехали договариваться!»

«Рыфмамі вершы звязваю…»

И правда, хозяева были приветливые и гостеприимные. К тому же, по-своему интеллигентные, близкие мне по отношению ко всему белорусскому: хозяин, Павел Антонович, главный бухгалтер универмага, на память знал много стихов Янки Купалы, Якуба Коласа, Михася Чарота, Кондрата Крапивы, которые остались в памяти со школьных лет. Со мной старался говорить по-белорусски. Именно из хозяйской библиотеки я разжился двумя томами избранных сочинений Янки Купалы, которые издавались в 1928 году. Хозяйка, Зинаида Николаевна, была немного другого склада: литературой не интересовалась, но никогда не злилась на квартирантов, не вмешивалась в их быт. Когда случались семейные торжества, приглашала и нас за общий стол. Не каждый квартирант мог похвалиться таким уважением со стороны хозяев.

Не сразу, но тем не менее, хозяйская симпатия досталась словоохотливому Анатолю: какое-то время он приглядывался к ним, а они к нему. Нам же приглядываться, входить друг к другу в доверие особой необходимости не было: дружба наша проверена годами, и не было причин сомневаться в ее искренности и надежности. И все же хочется признаться, что через какое-то время я стал сомневаться: правильно ли поступил, когда предложил Анатолю соседство на нашей «голубятне». Я хорошо знал его по нашим тусовкам в общежитии, сборам в литературном объединении «Чырвонцы», по редакционному общению в журнале «Бярозка», по веселым студенческим застольям, и вдруг мы оказались под одной крышей, в одной комнате, соседями по топчанам, которые стояли почти впритык. Разные характеры: я — спокойный, в чем-то даже копун, которому свойственна рассудительность, он — беспокойный, непоседливый, горячий, дерзкий, категоричный в суждениях и высказываниях, может, даже с нотками самоуверенности. Анатоль не скрывал

своих убеждений, говорил в глаза то, что думал, что подсказывали его придирчиво-критический разум и совесть. Он особо не разбирался, кто перед ним: писатель солидного возраста, с «короной» классика, или кто-то из нас, его друзей, таких же, как и он, искателей рифмы. Может, кто-то промолчал бы, свое мнение оставил при себе или приберег к удобному моменту, а он не мог — сразу «загорался»! Откуда это все, откуда у него такой характер? Анатоль признался в стихах о своей родословной: «І пэўна, і мела, і мае значэнне // Тое, што каб на калені не ўпаў, // Май нарадзіў, а хрысціў мяне чэрвень // І ў свінцовай купелі купаў». (Действительно, он родился 13 мая (!) 1941 года, за месяц до начала Великой Отечественной войны. Поэтому понять его можно: «Год сорак першы — нянавісць і боль».) И еще не упустил случая признаться: «Я ўзяў у ячменя характар яршысты, // Даў мне задуменнасць задумлівы бор.» Вот из-за этой «ячменнасці», наверное, и многочисленные неприятности имел, особенно от тех, кто был на высоких должностях или карабкался по ступенькам карьерной лестницы, чтобы добиться своего, хотя делал вид, что не замечает их, будто все ему нипочем...

Однако, что это я? Снова разговорился, свернул не на ту дорожку. Наверное, следует разъяснить, из-за чего возникли мои сомнения по отношению к нашему соседству на улице Грамадской, хотя я не сомневаюсь, был одним из первых, кто мог прикоснуться к тайнам его «творческой лаборатории», увидеть, как он трудится над стихами, творит. Даже хочу уточнить: он не творил, а колдовал. И чаще всего в ночной тишине. Пока Анатоль квартировал рядом со мной, в нашей комнате не успевал выветриваться аромат кофе. Не такого, конечно, как сейчас рекламируют и продают, попроще, доступнее, который был по карману тогдашнему интеллигенту. Чтобы не уснуть, он с вечера заваривал его целую кастрюлю, заворачивал в полотенце, чтобы не так быстро остывал, ставил на всю ночь у стола. и начинал писать. В эти минуты я не приставал к нему с разговорами, затихал на своем топчане, который стоял впритык к столу, старался уснуть. Мне надо было вставать рано, чтобы не опоздать в редакцию радиокомитета, а Толя мог поспать и попозже, даже задержаться: в журнале «Бярозка» рабочий день традиционно начинался «с опозданием», где-то уже в полдень, кстати, как и во всех литературных изданиях.

Засиживался Толя за столом, пока не начинало светать и на дне кастрюли оставалась одна гуща. Я, бывало, подшучивал: «Ты знаешь, Толя, почему твои стихи нравятся читателям, особенно девушкам? Да потому, что они замешены на кофейной гуще. На

которой они любят гадать». Услышав такое, он сначала заходился каким-то смехом, потом, словно соглашаясь, высказывал свое суждение: зато крепче будут, не рассыпятся сразу, когда критики начнут их дергать и трясти, выискивая недостатки, они же у нас такие.

Свой взгляд на все был и у Зинаиды Николаевны, у нашей хозяйки. «Ой, Анатоль, послушай меня! Ты же можешь раньше времени посадить сердце», — говорила она, принимая из его рук пустую кастрюлю с черной гущей на дне. «Ничего, выдержит, — не соглашался Анатолий, — кофе не мешки с цементом или рожью, которые на своем горбу в колхозе таскал». — «Смотри», — предупреждала она, качала головой и закрывала за собой дверь нашей комнаты.

Я не имел привычки утром, пока Толя спал, совать нос, подглядывать в исчерканные страницы школьной тетрадки (почему-то именно в таких тетрадках он любил писать), которые беспорядочно были разбросаны на столе. Я верил ему, когда он, усталый, но довольный, признавался, словно желая в чем-то упрекнуть меня: «Ты спал как сурок, а я за ночь пять стихотворений написал. Не веришь? Тогда послушай, чтобы не сомневался», — торопливо переворачивал несколько листков в тетрадке, немного дольше задерживал взгляд на одном из них, и энергично начинал читать, жестикулируя рукой в такт строкам:

Рыфмамі вершы звязваю,
Атрымлівай — што каму,
І запіраю іх, вязняў,
Ў шуфляду, нібы ў турму.

Хто меней сядзіць, хто болей,
Аж покуль не будзе ўказ:
І не амнісціруе волю
Начальнік няўмольны — Час.

Начальнік,
працуй спакойна,
Табе давяраем мы.
Толькі адных дастойных
Ты выпускай з турмы».

Закончив чтение, он цепким взглядом буквально впивался в меня: «Ну как тебе? Не будут цепляться, что немного жестко сказано, узников да тюрьму вплел? У нас же такие слова не любят, стараются избегать, как будто никого за решетку не сажают, баландой не кормят». — «А по-моему, никакой крамолы нет, — высказывал я свое мнение — Образно же сказано. Только

посмотри, чтобы в четвертой строке в первом куплете после “Ў” краткого снова “У” не сокращалось — “ў шуфляду”. Выговаривать сложно. И не по правилам. Это классики могли себе такое позволить, тот же Максим Танк, а к тебе из-за этого могут прицепиться. Скажут: надо поправить. Или Аврамчик, или так еще кто-нибудь.» Он снова пробежал глазами по строкам, ткнул пальцем в тетрадку: «Пусть пока так останется, а там посмотрю.»

Перечитывая недавно сборник «Жаваранак у зеніце» в разделе «З неапублікаванага» заметил: это стихотворение Анатоль оставил в таком виде, в каком читал тогда мне. Наверное, решил остаться при своем (это было в его характере).

«Голасам тужлівага адчаю…»

Наше совместное квартирование продолжалось недолго. Наверное, года два. Осознав, что двум котам в одном мешке ужиться не всегда удается, Анатоль однажды сказал мне, что хочет подыскать себе другую квартиру, лучше, чем эта, более подходящую для нормальной городской жизни. И вскоре он перебрался с нашей улицы Грамадской куда-то в район Грушевки. И мы теперь встречались редко. После того уличного происшествия, которое подстерегло его через какое-то время, Анатоль наверняка пожалел, что поменял соседство с улицей Красивой. Что с ним произошло в тот вечер, мне Анатоль не рассказывал, да я и не расспрашивал: может, ему не очень приятно было вспоминать о том, что оставило больной след, еще одну жгучую рану? Василь Макаревич вспоминает, что в тот зимний вечер его избила банда уличных хулиганов. Это и неудивительно: Грушевка всегда имела славу не самого тихого района столицы. От местного хулиганья перепадало многим. Не повезло и Анатолю. Все произошло по давно известному, привычному в таких случаях сценарию.

Они остановили его и попросили закурить. Анатоль ответил, что спичек у него нет. И по своей наивности похвалился, что у него есть деньги и что он может дать им на спички и даже на сигареты, вынул из кармана солидную пачку десятирублевок, и в это время что-то тяжелое обрушилось на его голову. Пришел в себя только в больнице. Голова была забинтована. Минута за минутой, день за днем настойчиво выбирался из когтей смерти. Наконец, как говорится, он вернулся в строй. Внешне Толя выглядел как обычно, но внутри — кто бы подумал? — был надломлен. Поэт признавался: «Здаецца, столькі шчырасці і ласкі, // Здаецца, толькі з мамай гаварыў, // А ўжо, як інвалідная каляска, // Качуся па нахіленай з гары.»

Мало кто знал, что это происшествие, а точнее, бандитское нападение, «сыпануло солью» на прежнюю его едва залеченную рану, словно сорвало с головы присохшие к волосам бинты, которыми бинтовали его голову медсестры и врачи в далеком детстве, когда еще жил в деревне. Случилось это на районной велогонке. Анатоль выступал за свой колхоз. На трассе он бешено крутил педали, гнал велосипед вперед. Чувствовал, что может одним из первых прийти к финишу, а может, стать и победителем гонки. Еще один поворот, еще немного поднажать, а там. Однако в последний момент случилось непредвиденное. На крутом вираже Анатоль не сумел справиться с велосипедом: переднее колесо скользнуло по камню, и он со всего разгона упал на булыжную мостовую. На мгновение, казалось, потерял сознание. Но тут же пришел в себя, вскочил на ноги, закинул на плечо разбитый велосипед, и — сколько там еще осталось? — побежал к финишу. Прибежал и упал на руки судейской бригады. Его сразу отвезли в больницу. Выписался вроде бы совсем поправившимся, но все же пришлось на год отложить поступление в Белгосуниверситет.

Могу согласиться с тем, что бросилось в глаза его другу Василю Макаревичу после того нападения. Я тоже заметил: что-то изменилось в нем. Как-то поубавилось в его характере прежней веселости и игривости, более задумчивым и печальным стал взгляд пронзительных глаз, он стал похожим на птицу, подбитую стрелой охотника. Но все же оставался, как и раньше, внешне энергичным, подвижным, нетерпеливо-задиристым, и в то же время рассудительно-серьезным, с припрятанной глубоко усмешливостью. Таким казался он на первый взгляд, а что творилось в глубине его души? Ответить на это могли только его стихи.

Голасам тужлівага адчаю
Пра свае нялёгкія правы
Сёння з самай раніцы крычалі
У сівым тумане журавы.

Крылы, як старонкі, шалясцелі.
О, каб прачытаць мы іх маглі,
То, напэўна б, расказалі цені,
Як іх цягне да сваёй зямлі.

Когда Анатоль вышел из больницы, возвращаться на Грушевку, ходить по тем улицам, где в любой момент снова могла подстеречь беда, у него не было желания. Снова начал расспрашивать друзей и знакомых: если услышат, пусть вспомнят о его просьбе. Помню, нашлась ему кровать в какой-то

коммуналке, в бараке, недалеко от Дома печати, да ненадолго, вынужден был уйти. Бывало, даже в редакции ночевал.

Неизвестно, чем бы закончились поиски более-менее приличного жилья и его «хождения» по временным углам, если бы не пришла на помощь редакция. А точнее сказать — Кастусь Киреенко. Как я уже говорил, Кастусь Киреенко доброжелательно относился к своему талантливому сотруднику, был терпелив к его не столь уж редким провинностям, что часто омрачало их дружеские отношения. Правда, ненадолго. Шеф как быстро загорался, так же и остывал. Благодарный Анатоль даже посвятил ему стихотворение «На ўсходзе неба ўспыхнула экранам.» — о трудолюбивом садовнике, который знает, как надо быть бережливым и внимательным, «Каб з голых яблынь росчыркам рукі // Сукі непладаносныя — абрэзаць, // Пакінуць пладаносныя сукі». Кого не подкупят и не тронут такие строки?!

И на этот раз главный редактор очень сочувственно отнесся к Анатолю, сделал все возможное, чтобы решить проблему жилья на уровне Союза писателей Беларуси. Переговорив с руководством Союза, он обратился в Литфонд, чтобы ему выделили квартиру, где бы молодой талантливый писатель мог спокойно жить и работать. К тому же, этому способствовали и благоприятные обстоятельства: Анатоль Сербантович находился в одном шаге от вступления в Союз писателей. И вскоре его приняли. Без особого сомнения и придирок со стороны членов Президиума. Сразу после выхода первого поэтического сборника «Азбука». Тогда еще не было тайного голосования, прием в Союз писателей проводился открыто, поэтому тот, кто «стучался в писатели», мог тут же увидеть, кто на его стороне, а кто «точил зуб» на него, проголосовав против. Последних было не так и много. Кому хотелось наживать врагов или, что также было немаловажным, лишиться приглашения на послеприемное угощение в ресторане? Но вернемся немного назад, к жилищной проблеме, которая в те дни, если оказаться на его месте, несомненно, волновала Анатоля гораздо больше и была не меньшей радостью, чем прием в Союз, который был в его биографии еще впереди.

«Сеў у лужу паняволі…»

После скитаний по чужим углам Анатолю, можно сказать, повезло: квартира нашлась недалеко от редакции. Он получил комнатку в старом кирпичном доме, который стоял за трамвайной линией, кажется, по улице Лодочной. Теперь того дома уже нет, попал под снос. А тогда. Что за апартаменты

перепали Анатолю, я увидел совсем неожиданно. Встретились мы недалеко от общежития.

— Хочу купить диван. Не поможешь в поиске?

— А деньги есть? — как-то само собой вырвалось у меня.

— Да есть пока. Еще гонорар за «Азбуку» не успел спустить.

На ближайшей Юбилейной площади, как мы знали, был мебельный магазин, но после долгого топтания, ничего, что бы нам подошло по цене, по цвету, в глаза не бросилось. Зато там же, на небольшом рынке, у бабульки разжились пучком зеленого сочного лука. Начало лета, и зелень еще не успела приесться. «Закуска есть, — то ли в шутку, то ли всерьез заметил Анатоль, сунув мне в руку завернутый в газету пучок лука. — Есть сало, привез из дома, так что лучше не придумаешь. Надо же диван замочить, надеюсь, мы его купим».

В мебельном на улице Карла Либкнехта тоже ничего у нас не вышло с покупкой: то дороговато, то смотреть не на что. Конечно, мы расстроились. «А давай поедем ко мне, — вдруг предложил Анатоль. — Видишь, зеленый лук уже сок пустил. Не пропадать же ему». Ну, и находившись столько, не хотелось возвращаться порожняком. «Давай еще заглянем в мебельный на Кирова», — предложил я Анатолю.

То дощатое строение на пересечении улиц Ленина и Кирова давно уже исчезло, уступив место красивым, современным домам. Но в тот день в этом магазине нам удалось купить диван для Толиного закутка. Чтобы перевезти его на автофургоне, надо было подождать, пока тот освободится. «Можете тут подождать своей очереди, а можете отправляться домой. Неизвестно, сколько придется ждать», — предупредила нас миловидная продавщица.

Была еще одна услуга — привезти диван на тачке, так сказать, своим ходом. К тому же грузчик охотно взялся нам помочь, когда узнал адрес доставки. «Тут же близехонько, довезу вам, хлопцы, как на вороных.»

Окрыленные неожиданной удачей, мы с молодецким озорством впряглись и с грохотом покатили тачку под звон трамвая, где по асфальту, где по булыжной мостовой, и через каких-то полкилометра «пришвартовались» к нашему дому. Что касается хозяина тачки, так он не мешал и особо не упирался, доверив нам свое средство перевозки. Топая за нами, он вслух подогревал наше упорство, иногда предупреждая: «Осторожно, осторожно, а то диван на бок съедет». Без его, оплаченной Толей, «подмоги», под взглядом любопытных соседей втащили диван в комнату, где, кроме стола и низкой кровати, я тогда ничего не заметил.

Как и обещал, к нашему уже довольно подвялому луку Анатоль достал брусок сала. Правда, сначала вытянул из-под кровати обыкновенный чемоданчик. Пока он не открыл его, я даже не догадывался, что в нем могло быть. А чемодан до краев был упакован салом, душистым, обсыпанным какими-то деревенскими приправами. Анатоль сбегал в магазин, принес бутылку «Перцовки».

Я тогда был в отпуске по случаю работы над дипломом в университете, никуда особенно не спешил, а потому мое пребывание у Анатоля одним днем не обошлось. Я стал первым, кому пришлось обживать тот диван, задержавшись у гостеприимного хозяина, подкрепляясь салом и зеленым луком, который с Анатолем тайком в темноте добывали на грядках, что были аккуратно высажены и досмотрены тут же во дворе и опекались жильцами дома. Не знаю, правда ли, но Толя сказал, будто у него было разрешение от не очень сварливых соседок на такие экскурсии в их огород. Сам Анатоль в тот раз на «Перцовку» не налегал, воздерживался от лишнего. Где-то ближе к вечеру третьего или четвертого дня он сказал мне:

— Слушай, я договорился встретиться с Анфисой. Хочешь, поедем вместе со мной. Познакомлю. Здесь близко, около стадиона.

— А кто такая Анфиса? — вставая с дивана, поинтересовался я.

— Работает медсестрой в третьей клинической больнице. А потом в гастроном забежим, — весело торопил меня Анатоль.

— Нет, я уже домой поеду, — не согласился я с ним по поводу гастронома.

Тем не менее, домой мне пришлось не ехать, а идти пешком. Анатоль все же уговорил меня пойти с ним на свидание к незнакомой Анфисе. Дождавшись окончания грозы, мы пошли по направлению к стадиону, обходя лужи, что встречались нам по дороге. Уже около стадиона я, не желая обходить очередную лужу, решил перескочить ее. То ли слишком понадеялся на свою ловкость, то ли лужа оказалась не такой узкой, как мне показалось, но тут меня подстерег настоящий конфуз. Молодцевато скокнув, я вдруг почувствовал, что моя нога, опустившись на размокший песчано-глинистый край лужи, предательски поехала, словно лыжа по снегу, и я шлепнулся в грязную воду. Заходясь от смеха, Анатоль помог выбраться. Вид у меня был такой, что у кого-то мог вызвать сочувствие, но и на шутки Анатоля нечего было обижаться: сам виноват. Кто меня подбил перескакивать эту лужу.

Потом они смеялись вдвоем — Анатоль и Анфиса. Низкого

роста, усмешливая, немного полноватая, она мне в тот момент показалась не очень симпатичной и привлекательной. Подумал: и чем же эта Анфиса приглянулась Анатолю? А может, она мне показалась такой из-за моего не очень веселого настроения, остуженного непредвиденным купанием в луже? А каким я сам показался ей в ту минуту?

Попрощавшись, Анатоль и Анфиса, весело переговариваясь, скрылись из виду. Переждав в кустах около стадиона, пока стечет вода и мои штаны с рубашкой немного обсохнут, я двинулся пешком через вокзал на свою Грамадскую. Гардероб мой тогда был небогатым, поэтому дома, с позволения хозяйки, пришлось воспользоваться тазиком и стиральным порошком, чтобы вначале выстирать штаны и рубашку, а потом «навести стрелки», сделать то, до чего не так скоро дошли бы руки. Утешало одно: даже в негативном можно найти хотя бы каплю положительного.

Анатоль же, когда я вышел на работу, как-то позвонил мне и то ли в шутку, то ли издеваясь поинтересовался:

— Отдышался от купания? Послушай, как тебе такая припевка:

На спатканне мчаўся Коля
З медсястрой Анфісаю.
Сеў у лужу паняволі,
Добра, што не пысаю.

И расхохотался.

— Так это же не я на свидание с Анфисой бежал, а ты. Я ее до этого ни разу в глаза не видел, — выслушав Анатоля, голосом обиженного, но понимая, что на шутку обижаться не стоит, возразил я. — К тому же здесь очень легко заменить Колю на Толю. Какая разница?

— Как какая разница? Не я же в лужу плюхнулся, аж брызги над стадионом полетели, а ты. Значит, это ты торопился на свидание с Анфисой, — снова рассмеялся в трубку.

— Хотя и грубовато у тебя, Толя, получилось, выдумал невесть что, но ничего, шутку я принимаю. Только повтори, чтобы я запомнил. А лучше давай запишу.

Больше таких приключений, таких «экстремальных» ситуаций с Анатолем у меня не было. А как подумаешь, так очень жаль.

«Жыве ў табе твая жанчына»

Возможно, кто-то, прочитав мои воспоминания о том смешном случае, который произошел во время нашего похода на свидание с Анфисой, подумает: «Ох, и отпетым же ловеласом и донжуаном был Анатоль!» Уверен, что именно так подумают

зрители после просмотра телесериала, снятого по повести Аксенова «Таинственная страсть», где его молодые герои во времена «оттепели» только и делали, что бражничали, ввязывались во всевозможные разборки, а все отношения с женщинами и подружками у них нередко сводились только к «постельной лирике».

Что-то подобное о наших литературных наставниках, да и о моих друзьях, с кем выпадало быть чаще всего, я говорить не берусь. Может, не все обо всех знал, их семейная жизнь была тайной? Нет, что-то все же знал. Тем не менее, не сомневаюсь в одном: с моральной стороны, если можно так сказать, у нас все было пристойно и чисто. И отношение Анатоля к любовно-романтическим увлечениям — тоже. Тем более, судя по его лирике, довольно открытой, исповедальной, они случались, не обошли стороной его юношеские чувства, которые щедро обогащались вдохновением и влюбленностью в поэзию. Кого обойдет оно, это ощущение, в такую весеннюю пору жизни, когда чувства бьют ключом, отбирая порой покой и сон, и которые не обходятся без мук и разочарований?! Разве что замшелый валун, а не живую, такую поэтичную, чувствительную к тайным струнам души и сердца натуру, чем выделялся Анатоль.

Вот такая «хроника» его любовных «приключений», и возможно, страданий, такое «интимное жизнеописание», засвидетельствованное в поэтических строках им самим. И с радостью влюбленного, и с приметой горечи.

Впечатлительная душа поэта не была безразличной к женской красоте и таинственности, ей не чуждо было чувство влюбленности и восхищения тем, что не лишено целомудрия, Божией ласки и нежности, того природного волшебства, что завораживает нас, особенно в пору молодости. Тем не менее, если искренне, то не могу «подловить» Анатоля ни с одной из тех, кому он признавался в своих «ухаживаниях». Я даже остаюсь при мысли, что за этим всем прячется. обычная авторская фантазия, чисто поэтический ход, прием, присущий любовной лирике. И может, действительно все было так, как в этих строках: «А я цябе прыдумаў сам, // Ні з кім, ні з кім не раіўся»?

Я знал только одну его музу, как часто любят говорить, кому он посвятил довольно большое по своим размерам стихотворение «Мая каханая — зіма», пронизанное нежными чувствами, музыкой в каждой строке, ощущением необычной любви, наполненной внутренним светом: «Мая каханая — зіма», // Любіць другую не сумею. // Я па табе іду, зямля, // Абняўшы русую завею. // Яна харошая ў мяне. // Яна — і сонца, і марозы. // Прамень каханую кране — // Мая каханая у слёзы». Эту стыдливую с виду, не

жадную на чернявость глаз и едва притаенную и таинственную улыбку «Г. Ц.» я часто встречал. И тогда, когда она была еще студенткой, и когда работала в отделе писем в редакции «Бярозка» и «Піянер Беларусі». За Анатолем я не замечал (может, потому, что не очень приглядывался, не интересовался их взаимоотношениями) особенного ухаживания за ней, а Галя не прятала своей симпатии к нему, даже некой близости, стараясь лишний раз во время рабочего дня показаться ему на глаза, заглянуть в его кабинет. Может, ошибаюсь, но, как мне кажется, несмотря на «ячменнасць» характера и неуравновешенность, не такую уже броскую и притягательную внешность, Анатоль вниманием девушек и женщин не был обделен. Ни в студенческие годы, ни где-то «на стороне».

Уверен, были у него знакомства, встречи, свидания с женщинами, быть может, нередкие и случайные, но судя по всему, они оставались только встречами и свиданиями (как с теми же Анфисой и Галей), — далеко не заходили. Почему? Думаю, в каждом случае он сам, как никто другой, прекрасно понимал: его избраннице с ним будет ой как нелегко и несладко уживаться, постигать прозу семейной жизни, учиться терпению, подстраиваться под его характер и поэтическую одержимость, сохранять в доме лад и согласие, а там наверняка и отцовские заботы о себе напомнят. Так зачем лишний раз обнадеживать, может, даже обречь на несчастье. Лучше всего разойтись.

Как удалось не разминуться с будущей женой Валей, как отважился на женитьбу с ней, я не знаю. Да и не допытывался ни у него, ни у нее. потом уже Валя рассказывала мне, раз за разом поднося платок к припухшим от слез глазам: «Приняла на ночь снотворное, чтобы хоть немного поспать, не слышать Толиных страданий от боли в голове, а под утро проснулась, протянула руку к нему, притихшему, думала, что наконец-то отпустило, уснул, а он уже холодный рядом лежит. Теперь ругаю себя: ну зачем я приняла те таблетки? Может, он хотел что сказать мне, да не успел?»

Как бы там ни складывалось в его личной жизни, Анатоль Сербантович с теплотой и уважением относился к женскому образу. И в этом нет ничего удивительного — в его представлении и понимании образ женщины (любимой и нелюбимой) всегда отождествлялся с образом матери. Не могу не согласиться с утверждением, высказанным Сергеем Ковалевым в предисловии к сборнику «Жаваранак у зеніце», где критик, по-моему, точно заметил: «Настоящее чувство в его поэзию принес образ матери. И именно любовь и благодарность к матери стали первыми настоящими кирпичами в здании его поэзии. Образ

матери воспитал в нем поэта, как сама мать воспитала в нем человека. А потом образ сестры, например, хирургической сестры из прекрасного и доброго стихотворения «Хірургічная сястра». Интересно: глубокое уважение к человеку пришло в его поэзию только вместе с уважением к женщине, и в первую очередь к женщине-матери и женщине-сестре.

На мой взгляд, только он, Анатоль Сербантович, смог стать автором стихотворения «Жыве ў табе твая жанчына», которое можно разобрать на отдельные строки и цитаты, смело назвать гимном женской доброте и мудрости, благородству, мужеству и милосердию, верности своему призванию на земле, что даны ей природой и самим Всевышним.

Жыве ў табе твая жанчына.
Яна — залог той дабраты,
З якой упэўненасць магчыма,
Калі ідзеш па свеце ты.

Яна твая любоў і права,
Калі званы ў руках гудуць.
І ты замахваешся правай,
А левай хочаш прыгарнуць.

Не расцякаўся каб і верыў,
Што порах твой сухі яшчэ,
Яна — выток і твой жа бераг,
Дзе ты ўпэўнена цячэш.

І — помні, прагнучы свабоды,
Калі хто-небудзь з ног саб'е,
Што з двух адзін удар заўсёды
Яна прымае на сябе.

Ну, а калі без дай прычыны
Цябе захочуць апляваць,
Пачне тваёй рукой жанчына
Крышыць усё і бунтаваць!

Казалось, поэт не удержался, посчитал необходимым высказаться не просто эмоционально-возвышенно, а в чем-то даже грубовато, но это, как образность и лирическая просветленность строки, свойственно поэтической манере Анатоля Сербантовича. А разве можно иначе, если твоя душа наполнена любовью и находится в плену у женской красоты, под очарованием любви, которой еще было очень рано покидать согретое и окрыленное ими сердце поэта: «Ты мне верыш.// І нешта мне болей, // Калі

любіш так, як я люблю, // І калі ты знаеш, што ніколі // Я табе благога не зраблю».

«Я табе благога не зраблю». Он стремился держаться этого правила не только в отношениях с девчатами и женщинами, близкими его сердцу и чувствам, но и к тем, с кем дружил, кого любил искренней душой поэта, кому верил, кто мог так же искренне сказать ему в ответ: «Я табе благога не зраблю». Случались трудности, не всегда удавалось «упэўнена цячы», но я ни разу не слышал, чтобы Анатоль жаловался на кого-то, на что-то плакался.

Наоборот, делал вид, что временные неудачи и неувязки не очень заботят его, что все устроится, встанет на свое место. И все же в такие минуты он, наверное, ждал от друзей и знакомых, от людей, кто хорошо знал его, не сочувствия и утешения, а той поддержки и тех слов, действительно теплых, душевных, которые придавали бы этой временно утерянной уверенности, настойчивости в поиске и свершении задуманного, потому что тропинка, по которой (по своей жизненной наивности или нарочито) старался ступать без особой оглядки, напролом, не всегда была ровной и прямой. Но — своя! И кто скажет, что женская нежность, ласковое и участливое слово в такую пору жизни для него, творчески увлеченного человека, было лишним, ненужным, когда все случалось не так, к чему стремилась душа: «Я ўсё шукаю нешта, а знаходжу // Не тое, што павінен я знайсці»?..

«Ты думаеш, што надта рады я...»

В редакцию журнала «Бярозка» Анатоля Сербантовича взяли на работу, когда он был еще студентом третьего курса. Остался здесь работать, пройдя журналистскую практику. Ему повезло, как раз освободилось место в литературном отделе, который до этого вел Рыгор Бородулин. Он ушел, и в редакции, не раздумывая, назначили на должность литсотрудником этого отдела вчерашнего практиканта Анатоля Сербантовича. Молодой, талантливый, серьезно относится к рукописям авторов, что приходят в редакцию и отбираются к печати, чувствует слово — разве не справится, приняв отдел? Безусловно, немало способствовала такому повороту в творческой судьбе Анатоля несомненная симпатия главного редактора журнала Кастуся Киреенко. Ему нравилось то, что выходило из-под пера молодого поэта, его задиристость, смелость мысли, свежесть поиска, и к тому же они были земляками, оба родом с Могилевщины. Наверное, поэтому ему часто прощались те грехи, за которые

другим могли и выговор «закатать» или даже уволить без всяких разговоров. Для него же чаще всего заканчивалось все разговорами, да увещеванием, а с его стороны обещанием «штрафника» исправиться, соблюдать трудовую дисциплину. Смириться с этой дисциплиной, высиживать целый день за рабочим столом, выслушивать поучения и отбиваться от особо настырных «творцов», которым не боялся сказать в глаза, что тот графоман, чем дальше, тем больше становилось для него невыносимым. Его душа рвалась на волю, ему хотелось быть среди людей, глубже узнавать, как они живут. Только там, казалось ему, можно найти необходимые для творчества новые, а главное, правдивые темы и образы, которые может подсказать только сама жизнь. Он не хотел заниматься гладкописанием, «тянуть за уши» в свои стихи только то, что приветствовалось тогдашним порядком и нередко — критикой. И часто не обходилось без приключений, без головной боли для редакции. И все потому, что Анатоль мог, никого не предупредив, вдруг исчезнуть. Поднимался переполох, начинались звонки друзьям и знакомым: он уже который день не показывается в редакции! Куда исчез, а вдруг с ним что-то случилось? Разгневанный Кастусь Тихонович снова грозится уволить, как только появится. Однажды уехал, как выяснилось позже, в одну из районных газет на Могилевщине, где на какое-то время устроился простым литсотрудником.

Помню, немало насмешек ходило среди писателей, когда стало известно, что Толя Сербантович выкинул очередного «коника» — пошел работать вахтером. на ликеро-водочный завод «Крышталь». Шутили: «Пустили козла в огород». Может, и в капусту, но вот что я прочитал в эссе Василя Макаревича. Думаю, и вам это будет интересно.

«Когда Анатоль зашел ко мне и спросил, как я отнесусь к тому, что он пойдет работать на один из минских заводов, я посмотрел ему в глаза: не шутит ли? Может, это дружеский розыгрыш? За ним такое водилось. Нет, на этот раз он говорил серьезно. А что будет с работой в редакции? Возьмет на какое-то время отпуск за свой счет. Где-то через месяц я заехал к нему на работу. Он сидел на проходной Минского ликеро-водочного завода, следил за теми, кто заходит и выходит. Поговорили, пошутили. Спросил у него: употребляет или нет? Он ответил: «Ни капли! Если есть желание, то — пожалуйста». Он открыл шкафчик, а в нем с полдесятка бутылок с этикеткой «Правительственная», что отобрал у «несунов». Из разговора я понял: долго он здесь не продержится. Не его это место! Даже мне захотелось поскорее покинуть это злосчастное место. В

памяти остались строки: «Ты думаеш, што надта рады я, // А ты пра гэта ці спытаў? // Я гэтай горкае «Урадавай» // Не спытаў і не паспытаў.»

Анатоль вернулся на свое прежнее место в редакцию журнала. Не знаю, что там снова случилось, но в октябре 1966 года мне на радио, где я тогда работал в редакции вещания на зарубежные страны, как-то позвонила из «Бярозкі» Елена Михайловна Мимрик, на то время редактор-стилист, а позже ответственный секретарь журнала: «Если будет время, зайди завтра к нам. С тобой хочет поговорить Кастусь Тихонович». Я уже знал, что Анатолий уволился «по собственному желанию», и видимо, в редакции хотят «посватать» меня на его место.

Я не ошибся. Через неделю, хотя было немного неудобно перед Анатолем, что, дав согласие перейти в «Бярозку», я словно подсидел его, занял место за тем столом, где вначале сидел Рыгор Бородулин, а в последние годы — он. Начал просматривать пухлые папки с произведениями писателей и начинающих, которые перешли мне в наследство.

Эта «отставка» и статус «вольного художника», по-моему, не очень огорчили Анатоля. Они действительно в какой-то степени, как говорят, развязали ему руки, дали возможность почувствовать себя более свободным и независимым от прежних обязанностей корпеть над чужими рукописями.

Теперь он мог работать над стихами всласть, не думая о том, что где-то его ждут редакционные заботы, поиск рассказов и стихов на пионерскую тему, сдача в номер необходимого количества произведений, командировки — чаще всего с целью подписки на журнал. Теперь у него появилась возможность по желанию выбирать творческие командировки, и не близкие, в Новополоцк или Солигорск, Новолукомль или к мелиораторам Полесья, где искали героев для своих романов, повестей, поэм и стихов многие белорусские прозаики, а, считай, на край света — в Сибирь, на Дальний Восток.

Правда, такие командировки выдавались с разрешения военкоматов, и их обладатели становились «военнообязанными», призывниками-стажерами. Анатоль захотел, казалось, невозможного — командировку ближе к белым медведям — на Север. Но об этом немного позже, потому что следует, как мне кажется, вспомнить «первопроходцев», с чего и кого начинались эти творческие вояжи, хождения за тридевять земель молодых белорусских искателей сюжетов и приключений.

«Сядзелі мы ўтрох…»

Все началось неожиданно, даже случайно, с фантазии дружеской тройки: Рыгора Бородулина, Владимира Короткевича и Геннадия Клевко (я уже писал об этом). Завязку этого сюжета я мог бы передать своими словами, так как довелось ее услышать от легкого на язык, острого на словцо Рыгора Бородулина. Но думаю, лучше, чем он сам рассказал в своей книге воспоминаний «Аратай, які пасвіць аблокі», я рассказать не сумею. Может, в этом и не стоит «расписываться» и смаковать, но кажется мне, что сегодняшним читателям интересно все же знать, как могут завязываться добрые дела и появляться интересные литературные сюжеты. Тем более, Рыгор Иванович не прячется за давностью времени, а признается как на духу: «Сидели мы втроем у меня в квартире, что на улице Белинского. Когда бутылки на столе можно было подставлять ветру, чтобы свистели, грустно начали рассуждать о том, что хочется поездить, мир повидать. Мне стукнуло в голову позвонить генералу Алексееву, который возглавлял военно-шефскую комиссию в Союзе писателей Беларуси. Генерал любил литературу, сам писал прозу. Очень старался выбить как можно больше значков за культурно-шефскую работу над армией. Было у этих значков, кажется, три ступени.

А позвонил я генералу Алексееву, чтобы послал он нас на стажировку в любую военную газету. Нас — это Владимира Короткевича, Клевко и меня. В хорошем настроении мы попросили, чтобы послали нас как можно дальше. Генерал сказал, что дальше Владивостока нас послать не может. Телефонная просьба была глубокой осенью. Точнее, почти в зазимок 1964 года. Шли дни. О разговоре с генералом мы забыли. Пришла весна. Владимир собрался ехать к любимому дядьке в Рогачев, где в основном и писались «Каласы пад сярпом тваім». Я собрался к маме в Ушачи. И тут приходит повестка всем троим в военкомат. Подкрепив доброй чаркой, послали в военкомат Клевко. Пусть разведает, что к чему. Там ему сообщили, что он командируется на Дальний Восток, в город Владивосток для стажировки в окружной газете. Тут же предупредили, чтобы срочно передал Короткевичу и Бородулину.

И оказались мы в августе во Владивостоке. Мы с Клевко по-журналистски старались что-нибудь словить в записные книжки — изучали жизнь, а Короткевич во время наших поездок по Приморью не выпускал изо рта сигарету, обязательно читал какую-нибудь книгу и как бы дремал. А потом мы ахнули, что он увидел и как, главное, увидел. В какой-то день с вещмешком за спиной вообще исчез. Вернувшись, рассказывал о Кедровой пади, заповеднике. Нам привез в подарок кедровых шишек.»

Будучи стажерами в газете «Боевая вахта», друзья не только «красовались» в форме морских офицеров, но и смогли открыть для себя много нового, необычного — чего никогда бы не увидели дома. След от той творческой командировки не затерялся во времени и в творчестве друзей. Кто не читал и не восторгался «Чазеніяй» Владимира Короткевича, чудесной, богатой на неожиданные образы и находки; лирикой Рыгора Бородулина, «выловленной» и привезенной с берегов Тихого океана. Помню, у нас не сходили с губ строки из стихов о владивостокских девушках (не такого и приличного, по понятиям того времени, поведения), которые встречают на причалах матросов с рыболовецких судов из далекого плаванья и с богатым «денежным» уловом»: «Не з карабля, дык топай міма, паравозам галасі. // Глядзяць зялёнымі вачыма, // Як не занятыя таксі». В то время это было сказано не только необычно, образно, но и удивительно смело, что заставляло задуматься, как такое могли напечатать? Наверное, поэтому так остро и зацепилось в памяти.

Убедившись в пользе, хотя и временного, воинского призыва, к тому же увидев результат этих командировок, вслед за ними «флотскую вахту» отслужили Владимир Павлов, Федор Черня. И как результат — циклы новых стихов, по-настоящему интересных произведений, которые достойно пополнили их творческую копилку, нашу поэзию.

«А ёсць, а ёсць туга па поўначы…»

Что касается Анатоля Сербантовича, так он тоже надеялся на хороший творческий «улов». И он был. Анатоль умел удачно и уже со сложившимся профессиональным опытом забрасывать «поэтический трал», начиная с легендарного Урала: «На беразе Урала распранаюся. // Хвіліна — і я з кручы палячу. // Ды я стаю. // Я ў хвалі углядаюся, // Нібы праз хвалі я глядзець хачу.» — везде, где бы ни ходил, ни ездил, где бы «ни причаливали» его муза и вдохновение. А побывал он с осени 1966 года во многих уголках Советского Союза: в Казахстане, Средней Азии, в Заполярье, на Дальнем Востоке.

Что случалось с ним в далеких от Беларуси краях, как проходила служба во время военных стажировок, я от него не слышал. Но по одному случаю могу предполагать, что и в таких условиях, регламентированных строгой армейской дисциплиной, субординацией и Уставом армейской жизни, Анатоль оставался «оригиналом», человеком, способным на любой необычный поступок, который не мог прийти в голову ни одному, даже самому отважному новобранцу, тем более в Морфлоте, где

испокон веков существует железная дисциплина, строгая субординация от матроса до адмирала. Кому охота за нарушение «сидеть на губе» или сутками драить палубу корабля? Это что касается обыкновенного «салаги», а что, если в его роли выпало оказаться Анатолю Сербантовичу?..

Не остался забытым такой курьезный случай. Всегда улыбаюсь, когда он всплывает в памяти. Воспоминания о нем из далекого Североморска привез Василь Хомченко. Сам Василь Хомченко, военный юрист в звании майора, был переведен туда в последние годы своей военной карьеры. Наверное, с расчетом на лушую пенсию при выходе в запас. Через некоторое время, приехав на побывку в Минск, он зашел в «Бярозку» в форме морского офицера и уже с двумя звездочками на погонах — капитаном второго ранга. Зашел не просто так, а принес новый рассказ «Белы Патап». Просил напечатать к его юбилею — исполнялось пятьдесят лет. Василь Федорович рассказал, как ему живется и служится на новом месте вдали от родной Беларуси, и вдруг, наверное, чтобы развеселить нас, вспомнил тот случай, о котором ему рассказали коллеги в Североморске. И случай этот касался — кого бы вы думали? — конечно же, Анатоля Сербантовича, когда тот был там в очередной командировке и стажировался на корабле.

Кто служил, тот знает, что происходит в воинской части или на военном корабле, когда ожидается приезд высокого начальства. Все вышестоящие чины не знают покоя ни днем, ни ночью, везде наводится образцовый порядок, чистота, проверяется готовность личного состава по всем законам воинской службы. А на флоте, наверное, с еще большим рвением: в морской службе немало своих, только ей свойственных особенностей и обязанностей. Как рассказал Василь Хомченко, в тот день на корабль, на котором в робе рядового матроса стажировался Анатоль Сербантович, наведался не просто адмирал, а сам командующий эскадры. Само собой понятно, приветствовать начальство на палубе выстроилась вся команда. Начался обход, считай, парадная церемония. Идет адмирал вдоль шеренги матросов, всматривается в их вытянутые в струнку фигуры и сосредоточенные лица, время от времени бросает слово-другое офицерам, которые его сопровождают, и вдруг из замершей шеренги навстречу ему выходит какой-то мальчуган, одетый в матросскую форму, которая держится на нем как-то причудливо и даже с каким-то вызовом. Командира корабля от ужаса передернуло: неужели с какой-то жалобой или просьбой? А мальчуган в матросской форме, словно ничего не случилось, протянул адмиралу руку и отрекомендовался: «Стажер

Сербантович! — Потом добавил: — Поэт».

Командующий эскадры шел, приложив руку к своей фуражке, от неожиданности остановился и, постояв в растерянности какое-то мгновение, протянул нахалу(по-другому и не скажешь) руку. Поздоровавшись, стажер молча вернулся в строй. А адмирал, вскинув руку к фуражке, двинулся дальше. Над палубой, над строем матросов и офицеров повисла напряженная тишина. Чем все закончится?

— Откуда на вашем корабле это огородное пугало взялось? — не скрывая раздражения, спросил адмирал после парадной церемонии.

— Из Беларуси, товарищ адмирал, стажируется у нас, — оправдывался командир корабля. — Командировка у него такая. Творческая. Изучает флотскую жизнь, как он сказал. Так и в его предписании значится.

— Немедленно списать на берег, — приказал, как отрезал, адмирал. — Нечего таким недотепам делать на военном корабле. Пусть с рыбаками в море ходит, там романтику ищет. Больше пользы будет.

Не знаю, рассказывал ли кому Анатоль об этом озорстве (а иначе такое и не назовешь) и надолго ли задержался он в той «морской командировке», но вернулся он с Севера с циклом новых стихов: «Мора», «Мыс жаданння», «Марскія кулікі», «Акіянна», «Белая кніга», «Халоднае і цёплае цячэнне», «Падлодка не ўсплыла.». Как видим, улов солидный, и я бы сказал, очень серьезный!

Конечно, никто — ни суровый адмирал, ни корабельная команда, кто был свидетелем той безрассудной выходки молодого поэта в матросской робе, его стихов не читал, но наверняка надолго запомнил тот неуставной курьез. Ну а если кто и вспомнил, то не иначе как с теплой улыбкой. Да и сам Анатоль, если судить по его стихам, по искренности и глубине их, до конца дней своих оставался влюбленным в далекий северный край, который навсегда оставил след в его сердце неповторимой красотой, всем тем, что завораживает, притягивает: «А ёсць, а ёсць туга па поўначы, // Адкуль вярнуўся без рубля, // Дзе аддаваў сябе не помнячы,// Баркасам, чайкам, караблям.»

Нисколько не сомневаюсь, если бы начальство прочитало хотя бы одно-два стихотворения из его лирического «арсенала», оно бы, уверен, простило Анатолю его корабельный «грех» — нарушение уставной субординации, и никто не подумал бы отдать приказ о списании поэта, неуправляемого стажера, на берег.

Почему Анатоль пошел на такой своевольный поступок, не

знаю, объяснить непросто. Он понятен был только ему, а для нас — загадка. Тем более, не такая и трагичная, а с привкусом юмора, что способствует хорошему настроению. Но можно все объяснить, зная его ершистость, неприятие парадной суеты, официоза, которые часто принижают человека, выглядят парадно-издевательскими, особенно в отношении более слабых и ниже по чину и званию. Он не любил кланяться, снимать шапку перед чиновниками высокого ранга — кто бы это ни был.

«Пяцьдзесят працэнтаў рызыкі»

Если верить преданиям греков, античный герой Одиссей очень любил далекие путешествия, был непоседливого нрава. Словно в подтверждение этому, Анатоль написал: «З нас таксама, напэўна, хлопцы, // Кожны крышачку Адысей». Сложно предположить, кого конкретно он имел в виду, но самого его неудержимо тянуло в путешествия. И путешествовал! Казалось, он постоянно был в дороге, далекой или близкой. Выбирался тихо, без отчаянного крика и рыданий, которые устраивала мифическому Одиссею его суженая Пенелопа.

Но приходит время для раздумий, желание отдохнуть от странствий, чтобы сосредоточиться, глубже осознать, дать жизнь увиденному, приобретенному среди людей и природы. Подобное случилось и с Анатолем: снова захотелось попробовать «редакторского хлеба», «повариться в котле» журналистских забот, примириться с дисциплиной и порядком, которые ожидали его там. Как раз в это время освободилось место сотрудника литературного отдела в редакции «Піянер Беларусі» (позже «Раніца»). Анатоля приняли в коллективе по-дружески, доброжелательно, тепло: его литературный талант был известен всем. Редакция находилась под одной крышей с «Бярозкай». Их разделял только коридор, поэтому мы встречались с Анатолем почти каждый день. То я заходил к нему, то он к нам. Иногда по каким-то редакционным делам, а порой просто так, чтобы поговорить, поделиться всякими новостями.

Еще в пору работы в «Бярозцы» у Анатоля были пробы в детской поэзии. Я уверен, что он мог стать автором интереснейших книг для детей и про детей. Образные и метафорические, во многом злободневные и занимательные, пронизанные теплой усмешкой и тонким юмором, его стихи легко запоминались, западали в память с первого прочтения. Это и «Звяно хуткай дапамогі», и та же «Спрэчка», которую я прочел в зимнем номере «Бярозкі», даже не подозревая, что смогу повторить некоторые строки и через пятьдесят лет:

Заспрачалася завея
З ветрам ганарыстым:
— Ты праехаць не здалееш
Па катку іскрыстым.
Адказаў ёй вецер дужы:
— Ды нашто сварыцца,
Пракаціся хоць па лужы,
Каб не паваліцца.

Анатоль, истосковавшийся по редакционной работе, по детской литературе с ее живым и понятным словом, все чаще стал предлагать на страницы «Піянера Беларусі» не только свои стихи, но и прозу. Неравнодушный к творчеству читателей, взялся постоянно делать обзоры литературной почты, тактично преподавая уроки поэтического мастерства начинающим поэтам. Напечатал также разделы из своего лучшего детского произведения — интересно задуманной поэмы «Телефон».

А в скором времени в журнале Анатоль встретил недавнего однокурсника Владимира Старченко. Оба еще со студенческой поры были увлечены книгами «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, получившими завидную «раскрутку». Книги приводили в восхищение многочисленных читателей. Казалось, с трудом можно было найти молодого человека, который бы не цитировал отрывки из этих книг, вмиг ставшие крылатыми выражениями. Раззадоренные таким опытом, да не абы каким, а успешным, Володя и Анатоль тоже решили создать «творческую артель», свой тандем. Идея созрела, как им казалось, интересная, неизбитая, стоила того, чтобы, надолго не откладывая, взяться за ее осуществление. Задерживаясь допоздна в редакции, вместе обдумывали и составляли план будущего произведения. Разработали сюжетные линии, «дали задания» ее действующим персонажам, а заодно — самим себе. Взялись писать первые страницы дебютной для обоих детективно-приключенческой повести «Пяцьдзесят працэнтаў рызыкі». Работа давалась не так легко, как задумывалось. Поняли, что «шпионские» произведения писать гораздо сложнее, чем потом их читать, но уж если взялись. Хотя и потихоньку, но работа двигалась.

Преждевременная и неожиданная смерть Анатоля только на какое-то время обезоружила Владимира Старченко, продержала в растерянности: работать или бросить все, не тратить зря время? Посомневавшись, он все же окончил работу над повестью «Пяцьдзесят працэнтаў рызыкі», которая рассказывала о враждебных действиях иностранных агентов на нашей территории. Почему я рассказываю о ней? Да потому, что автор

однажды принес эту повесть ко мне в «Бярозку», конечно же, с надеждой напечатать ее в нашем журнале. Авторство Владимир оставил только за собой, ибо, как он сказал мне, не пятьдесят процентов труда, а все девяносто ему пришлось писать самому. Анатоль Сербантович уже ничем не мог помочь. Однако, чтобы все было по справедливости, он сделал к нему посвящение. Читалась повесть легко, нескучно, заинтриговала своей сюжетной линией. Я даже поставил ее в перспективный план. Однако всегда вдумчивый Кастусь Киреенко, хотя и уважительно относился к автору, все же засомневался: «Я не уверен, что над этой повестью, если прочитают ее те, о ком в ней рассказывается, не посмеются и не дадут нам по шапке. Может, автор в ней такого навыдумывал, такого «накрутил», что ни в какие ворота не лезет. Надо послать повесть в Комитет государственной безопасности. Наверняка там есть люди, которые могут дать компетентный отклик. Будет положительный ответ, тогда и решим, что с ней делать».

Ответ не заставил себя ждать, и был он совсем не таким, каким бы хотел его видеть автор, да и мы тоже. Оказалось, что автор не знаком со спецификой этих органов, поэтому в повести много надуманного и даже наивного, что вызывает сомнение в правдивости описанных событий и поступках некоторых литературных героев. Принимая во внимание все эти замечания, было предложено воздержаться от публикации повести.

«Однажды в студеную зимнюю пору…»

В командировку в Могилев нам выпало ехать по заданию редакции в не столь уж «зимнюю пору», дело было в марте. Повод? В те годы во время весенних каникул в областном центре проводили семинары юных литераторов Могилевщины. Мне довелось побывать на подобных семинарах. Верховодили на них обычно местные писатели, хорошо знакомые всем Алексей Пысин, Василь Матеушев, Петр Шестериков, Михаил Шумов. Конечно же, с обязательным присутствием «шефов» — представителей обкома комсомола и отдела образования. Приглашали на эти литературные праздники столичных гостей из детских журналов и газет, которые из президиума наблюдали за всем происходящим, и это помогало им находить среди молодых талантов нечто стоящее для публикации в своих изданиях, что, конечно, было престижным и для начинающих литераторов, и конечно, для организаторов такого мероприятия.

В тот раз мы ехали на очередной такой семинар. Я — от «Бярозки», Анатоль — от «Піянера Беларусі». Много чего и серьезного, и курьезного можно было услышать на этом

литературном сборе. Помню, читала стихи одна девочка-десятиклассница. Когда дали ей слово, она, подглядывая в тетрадь, начала читать: «Однажды, в студеную зимнюю пору, я из дому вышла и в школу пошла.» Смотрю: Анатоль с Алексеем Пысиным переглядываются, потом опустили голову в стол, чтобы не рассмеяться вслух. Начали улыбаться и остальные участники семинара, сидевшие в зале. Чем дальше читала она свои стихи, в подражание известному стихотворению Николая Некрасова, тем громче раздавался смех. Но вот голос ее начал становиться все тише и тише. Все закончилось тем, что сконфуженная и осмеянная девочка расплакалась. Обливаясь слезами, она вернулась на свое место, собрала тетрадки и была уже готова выскочить из зала. Всем стало не до смеха: «Милая девочка, — сочувственно обратился к ней Алексей Пысин, — остановись и не плачь. Пусть плачет твоя учительница, которая послала тебя сюда, не найдя времени, чтобы прочесть то, что ты написала».

Толя тоже собрался что-то сказать, но в это время на сцену вышла и начала читать стихи Лариса Я. Он навострил уши и что-то сказал Пысину. А когда девочка закончила чтение, захлопал, подошел к ней, взял из ее рук тетрадь со стихами.

— Согласитесь, что это настоящая поэзия! Вот так всем надо стремиться писать стихи! — и махнул в зал раскрытой тетрадкой. — Я их забираю с собой, буду предлагать в какую-нибудь газету, а может, даже в журнал «Нёман».

Хотя Лариса была почти взрослой, училась в десятом классе, но в журнале «Нёман», где тогда в отделе поэзии хозяином был требовательный и неуступчивый Бронислав Спринчан, молодому автору (это не то, что сейчас) показываться было слишком рано. Я тоже засомневался: «Стихи, конечно, хорошие, но вряд ли их согласится принять Бронислав Петрович. Там маститым непросто пробиться». — «А мы еще посмотрим!» — решительно возразил Анатоль.

И он добился своего. Стихи Ларисы Я. вышли в журнале. Правда, когда она уже была студенткой журфака БГУ. Перед ее поступлением Анатоль не единожды бегал в университет, чтобы встретиться со знакомыми преподавателями, дабы «закинуть словцо» за талантливую абитуриентку. Тогда центрального тестирования не было и в помине, так что замолвить слово за знакомого или поддержать земляка, хотя и не всегда, но все же удавалось. А в этом случае ходатайство Анатоля было совсем не лишним. И на протяжении всей учебы он не переставал интересоваться, что она пишет, как она пишет, какая помощь ей нужна. Когда же не стало наставника, Лариса, провожая его в последний путь, не скрывала слез.

Лариса стала журналисткой. Но, к сожалению, семейный быт, навязывая свое мелочное, суетное, отбивает охоту дружить с вдохновением, без которого невозможно представить самоотверженного служения поэзии. Не такое ли случилось и с Ларисой Я., потому что давно не могу отыскать ее след.

Всей душой ощущаю, как бы сожалел Анатоль. Помню, как он искренне радовался, когда в руки ему попадали стихи молодых авторов, в чей талант он уверовал, на кого надеялся.

В тот послесеминарский вечер мне посчастливилось побывать неожиданно в гостях. Поезд в Минск шел в полночь, и Анатоль предложил съездить в гости к его сестре. Кажется, двоюродной, точно сказать не могу. Рассчитались в гостинице, зашли в магазин и, сев в троллейбус, поехали. Родственница, моложавая и привлекательная женщина, быстро собрала довольно приличный ужин, как это водится у нас, и пригласила за стол. Поставила на стол и бутылку. Удивилась, что Анатоль отвел ее руку, когда она хотела налить в рюмку, которую поставила перед ним. «Нет-нет-нет», — заторопился он, взяв бутылку из ее рук. — Я лучше сам вам налью. Колобок (так прозвала меня Анна Давыдовна Красноперка, когда я работал в «Піянеры Беларусі»), не стесняйся, можешь и за меня лишнюю рюмку взять», — насмешливо глянув на меня, налил себе какой-то шипучки. Хозяйка удивилась, а для меня в тот момент Толин отказ не был необычным. После того грушевского происшествия время от времени он делал такие «лирические отступления»: по нескольку месяцев даже не притрагивался к спиртному. А в дружеских застольях, которые случались в гонорарные дни (а их каждый месяц было пять: два в газетах и журналах, два на радио, один в книжном издательстве), да и просто по случаю, то с юмором, то молча подливал хлопцам в стаканы. Парни подшучивали над ним, но никто не настаивал, чтобы он «не истязал организм», не нарушал свой временный «сухой закон». Видели, его не переубедишь. Да и зачем? Каждый знает цену своему здоровью, свои возможности с таким привлекательным, но больше порочным и горьким искушением. А то, что он не был «святым» и мог неожиданно «раскрепоститься и расслабиться», как теперь часто говорят, Анатоль не скрывал, признавался сам. Со всей откровенностью и искренностью своего таланта:

Не мог я піць — таму упарціўся,
Прасіў назад чуць-чуць адліць.
Але за дружбу піў я квартамі,
Бо нельга мне было не піць.

Пасля я піў — і ў тым не каюся, —

Калі няўрадзіцы былі,
Калі сябры мае з’язджаліся
І хлопцы ў армію ішлі.
Ды я ўсё чакаю раніцы,
Даўно жадаю я адно:
Няхай хутчэй знікаюць п’яніцы,
А не гарэлка і віно.

«…і там яна канчаецца»

После женитьбы Анатоль получил двухкомнатную квартиру в микрорайне Зеленый Луг, который только-только начал застраиваться. Квартира считалась подменной, до этого в ней жил поэт Марк Смагорович. Из разговора знал, что новое место жительства ему нравилось, квартира имела пристойный вид — на двоих с женой Валей площади хватало. Это же не «коммуналка» на Лодочной, где, казалось, нельзя и шагу ступить, не ощущая на себе придирчивого взгляда соседей. Признаюсь, я ни разу не был у него в гостях в зеленолугской квартире, не знаю, как ему там работалось, на чем «замешивались» его стихи и венки сонетов, написанные в то время. Одно знаю: здесь в ночь на 21 марта 1970 года совершила последний круг трепетная, словно от какого-то испуга, стрелка земного времени его беспокойно-торопливой жизни. Уснул и не проснулся, не увидел света нового весеннего дня. И не сердце подвело, что когда-то беспокоило хозяйку нашей съемной с ним «голубятни», а давняя травма головы. И исполнилось поэту только двадцать девять лет.

«Как он еще до этих лет дожил с такой гематомой? — удивлялся главврач поликлиники Союза писателей Нейфах, когда увидел рентгеновские снимки и прочел заключение медицинской экспертизы. — Там коронарные сосуды мозга словно кто-то посклеивал.» Старые люди обычно говорят: легкая смерть. Может, и так. А была ли она для Анатоля легкой, когда каждый день жил с чувством ее неизбежности? А что так оно и было, можно судить по стихотворению Анатоля Сербантовича «Там пачынаецца паэзія». В нем внимательному читателю можно было разглядеть намек на встречу с неземной жизнью:

Там пачынаецца паэзія
І там яна канчаецца,
Дзе ты ўсміхаешся гарэзліва
І цэлы свет гайдаецца.

Спяшай зрабіць са сцежкі крок,
Дзе цішыня густая,

Каб прачытаць адзін радок,
Які ніхто не знае.

Под ним Анатоль написал: «Серада. 11.03.70. Апошні мой верш». Неужели такую неизбежность предчувствовал поэт, когда ставил эту дату под стихотворением? А может, он руководствовался чем-то другим, может, он собирался нырнуть в водоворот новых задумок, более значимых, сложных, нежели обычные стихи, которые могут и подождать?

Думаю, есть доля правды в суждениях Василя Макаревича. Он утверждает: «В последнее время у него появилась грандиозная задумка: создать венок венков сонетов. Мне почему-то не верилось, что это можно сделать хотя бы из-за технической сложности. Но Анатоля тяжело было переубедить. Он был уверен, что должен создать это произведение, и решил заниматься только им. Поэтому написал две строфы и означил, что это его последнее стихотворение. Трудно сказать, смог бы он осуществить свою задумку, если бы его жизнь не оборвалась так трагично и внезапно, как обрывается песня жаворонка, когда не выдерживает сердце высоко взятой ноты». В рецензии на посмертные издания книжек Сербантовича писали: «Поэт предчувствовал, что преждевременно уйдет от нас, покинет этот земной мир». Не знаю, не берусь ни утверждать, ни опровергать эти рассуждения и предположения. Мне, например, он ни разу не говорил, что ему мало осталось жить. А если в стихах и писал о смерти, так это просто игра с чем-то опасным и таинственным, мол, вы боитесь говорить об этом, а я не боюсь, и ничего со мной не случится. А если что и случится, то чему быть, того не миновать. Он был энергичным, думал о жизни, у него было много планов».

Я уверен: Анатоль осуществил бы свои планы. Он был настойчивым, любил экспериментировать, не замечал и не боялся сложностей, которые могли возникнуть. А в сонетах сложностью была форма, инструментовка самого стиха, которой обязательно надо придерживаться: все же классическая, не свободная. А венок сонетов!? «Сплести» его по всем канонам, по всем правилам обычного поэтического мастерства мало. Но он уже положил начало, показал сонетом «Маўклівае трывожнае зацішша», что смог овладеть этой формой. Теперь в нашей поэзии венки сонетов не такая уже новинка и диво. Их современные поэты создали десятки. Есть и венки венков, и не у одного автора. Вспомним только Змитрока Морозова и Софью Шах. А тогда. А тогда эти «венки» можно было пересчитать по пальцам одной руки. Как и самих поэтов: Нил Гилевич с его «Нараччу», Хфедар Жычка с «Абеліскам», и он, Анатоль Сербантович. У Анатоля на то время было написано несколько венков сонетов: «Васілёк», «Курганы»,

«Салдат». Правда, напечатанным он успел увидеть только один из них — «Васілёк». И то корректуру, потому что к читателям журнал «Маладосць» пришел в апреле, когда автор уже лежал в могиле на Восточном кладбище. Но не все получилось гладко, «Васілёк» принес немало забот редакции. Нет, не цензура вмешалась, как это порой бывало, а сам автор.

Помню, после похорон Анатоля ответственный секретарь журнала Владимир Михайлович Юревич, до глубины души потрясенный преждевременной кончиной поэта, с нескрываемой печалью рассказал об очередном, наверное, последнем «своеволии» Анатоля. Ему отдали на вычитку корректуру его венок сонетов: может, где со знаками препинания ошибка вышла, а корректоры могли не заметить, пропустить или какое-то слово, или строку, и автор решит поправить. В корректуре это еще не поздно сделать, разрешается. Правда, чем меньше найдено «блох» и корректура от автора возвращается более-менее чистой, тем лучше для редакции. Не надо перебирать правленые строки, меньше затрат, замечаний у издателя. Ведь за всем этим — подписка к печати, график сдачи в печатный цех, выход готового номера в свет. Выбьешься из производственного графика — жди неприятностей. Выход номера может задержаться, а это «светит» разборками в соответствующих кабинетах. Даже мизерной премии, и той могли лишить. Издательство серьезное — типография ЦК КПБ! «И что вы думаете, — рассказывал, словно жаловался, Владимир Михайлович, — приносит через два дня Анатоль корректуру, отдает мне, перевернул — и ужаснулся: а людцы вы мои, она вся исчеркана, живого места не оставил, весь венок сонетов почти переписал! Это же скандал для редакции! Я говорю: «Куда же ты смотрел раньше, когда сдавал его нам?» Оправдывается: «Так я сдавал его вам полгода назад, а за это время много чего нашлось, что надо поправить. Разве я хуже сделал? — Потом решительно добавил: — Если не хотите издавать в таком виде, то снимайте из номера. Или переносите в другой». А как это венок снимешь, если он сверстан и весь номер целиком набран? Надо сочинять письмо в типографию, оправдываться, просить, чтобы перебрали исправленную корректуру. Еще неизвестно, чем это кончится.»

«Не думайце з трывогаю пра вечнасць…»

Похоронили Анатоля на Восточном кладбище. Городские власти удовлетворили просьбу Союза писателей. На то время Анатоль Сербантович был автором двух сборников «Азбука» и «Міннае поле». Третий — «Пярсцёнак» находился в издательстве и

вышел уже с посмертным предисловием Алексея Пысина. Убежден, что памятник на могиле Анатоля среди тамошнего множества гранитных и мраморных плит, статуй, барельефов известных выдающихся личностей заставлял каждого, кто проходил мимо, остановиться в полном недоумении: кто же за этой оградой похоронен. И в самом деле, памятник отличался от всех, что стояли рядом. Его проект, как теперь бы сказали, задумывался и осуществлялся на моих глазах в редакции журнала «Бярозка». Занимался им молодой редакционный художник Петр Драчев. За два года, работая в редакции, он искренне подружился с Анатолем, они сошлись во многих суждениях в отношении творчества и общественных событий. Петру импонировали поэтический поиск и раскованность, смелость мысли и свежесть образов поэта Сербантовича, а Анатолю — стремление к поиску, оригинальность художественных приемов, тонкое ощущение природы, теплота красок, прекрасное знание исторического наследия своего края, трепетное отношение ко всему родному, белорусскому — молодого художника Драчева. Поэтому никому не доверял оформление своих книг, только Петру Драчеву. Договорился с ним об оформлении и книжки «Пярсцёнак». Вместе с фотомастером Валентином Ждановичем они нашли решение оформления обложки. Кто держал в руках этот сборник, тот согласится со мной: все получилось оригинально, содержательно и. загадочно. Изображение перстня на обложке, — фрагмент разорванной гильзы снаряда. Где Валентин нашел такую, не знаю. Может, в лесу, собирая грибы, или еще где. Он много путешествовал по Беларуси с фотоаппаратом. Помню, когда он зашел со своей находкой к Петру в редакцию и показал эту гильзу, признаюсь, было страшно взять ее в руки, чтобы не пораниться до крови о рваные зазубренные «лепестки», что, как на подсолнухе, растопырились вокруг, словно предупреждая: «Не прикасайся!» Петя (так мы чаще всего называли Драчева в редакции) болезненно воспринял преждевременную смерть Анатоля. Сдав в издательство оформление сборника Анатоля, он, когда зашел разговор у родственников об оградке и надгробьи поэту, сам взялся за разработку проекта памятника, сделал несколько вариантов. Работал не за деньги, рассчитывал, чтобы установка надгробья обошлась не слишком дорого для родственников: на гонорарную поддержку надежды не было. После долгих размышлений Петр Драчев предложил такой проект: четыре женские деревянные фигуры, склоненные в печали, между ними — натянута цепь. На самой могиле — обычный серый камень с фотопортретом и эпитафией. Нужные строки искать не пришлось, их словно сам Анатоль подготовил

заранее, поместив в сборнике «Міннае поле», и назвал стихотворение «Запиской, найденной в книге»: «Не думайце з трывогаю пра вечнасць, // Забудзьце пра хвіліны забыцця: // Складаецца з трагедый чалавечых // Вялікая трагедыя жыцця».

Свою задумку Петр Драчев аргументировал так: «Я старался, чтобы во всем присутствовала символика, образность. Чтобы хотелось задуматься, порассуждать, глядя на эти статуи и цепи. Статуи печальных женщин — это образы Матери, Сестер и Муз, которые не хотят отпускать от себя Анатоля. А цепи для чего? Он все время чувствовал себя творчески скованным, ему было тесно в том окружении, в котором находился, он все время стремился вырваться из разных стереотипных цепей, которые мешали ему ощущать себя свободным и самостоятельным. К тому же Анатоль не любил излишней помпезности и забронзовелости во всем, пусть каждый, кто пройдет мимо могилы, задумается, почему здесь появились цепи и эти печальные женские фигуры. Не роскошно, но оригинально. Пройдите по кладбищу — ни у кого подобного не увидите. Толя, думаю, не обидится».

Действительно, все было так, как предсказал Петр. Люди останавливались, удивлялись, наверняка, молча сочувствовали родственникам покойного: «Наверное, бедно живут, не было за что более дорогой и лучший памятник поставить». Но разве можно прислушиваться к тому, что говорят посторонние люди? Все было спокойно у могилы Толи, пока не приехала из деревни его мама. Увидев могилу сына, она в растерянности опустилась на колени и запричитала: «А за что же это моего Толечку, моего сыночка любимого, как того острожника, такими тяжелыми цепями сковали? Как он будет ходить и дышать на том свете? Кто додумался до этого? Что же он такого плохого сделал вам, люди? Неужели тебе, сыночек, вечно страдать в этих цепях, под камнем этим? Неужели ты заслужил, чтобы так не по-людски обошлись с тобой».

Не помню почему, но в тот день я не был там. Про этот материнский плач у могилы сына рассказал мне сам Петр Драчев. Напрасно он и невестка Валя старались успокоить взволнованную мать, убедить, что во всем есть символика, глубокий смысл и соответствующий подтекст, что все дело не в денежных расходах, что все подчеркивает, чем была отличительной, понятной и близкой читателям поэзия Анатоля, — все же не смогли переубедить. Мать поехала домой с неприкрытой обидой и на невестку, и на Толиных друзей, мол, сделали памятник Толе, лишь бы отцепиться. «Будем думать, — сказал тогда озабоченный Петр. — Мать хочет, чтобы ничего не выдумывали, а поставили такой памятник, как у людей. Пообещали, что переделаем все.»

«У паэтаў ёсць такое права…»

«Жывыя ідуць наперад.» Это строка из стихотворения Кастуся Киреенко военных лет. К сожалению, терять друзей и соратников, навсегда расставаться с ними приходится не только на полях сражений. Неумолимость судьбы, преждевременное расставание с жизнью. Одним — больше, другим — меньше, третьим — совсем мало. Анатоль, как ни печально это сознавать, — из числа последних. Но, однако, время земной жизни не останавливается. Живые идут вперед, чтобы пройти по родной земле «каронаю снапоў каранаванай», «ад першай да апошняй паласы» и за себя, и за тех, кто шел по ней, да не дошел, перешагнул черту, за которой Вечность и Память. Казалось, обе — как сестры родные, но вторая из них владеет невероятной способностью, не всегда утешительной, как и Слава. К одним она, эта замечательная и лучезарная Слава, приходит очень рано и — нередко случается — так же рано покидает их. К другим приходит позже, когда кто-то не просто горит желанием, а жаждет оказаться у нее на виду, из кожи вон лезет, чтобы покупаться в ее сияющих лучах, чтобы возвыситься, добиться с ее помощью того, чего еще не смог добиться. Третьих находит, когда они уже не могут ни услышать, ни ощутить ее. Хотя бы на мгновение, да погреться в ней, укрытые землей и вечностью. Такое почему-то случается чаще. Это зависит уже от людей, от того, какое у них сердце, какая у них память.

Не пытаюсь утверждать категорично, но, подумав, все же соглашусь с мыслью, что ему, Анатолю Сербантовичу, было подарено судьбой и фортуной занять парнасскую очередь к ранней и прижизненной Славе, даже в какой-то степени прочувствовать, пожить в ладу от близкого соседства с ней, погреться под ее лучистым крылом, хотя бы немного почувствовать, какая она «на вкус».

Хотя сам Анатоль, в чем-то повторяя Владимира Маяковского: («Мне наплевать на бронзы многопудье.»), в молодом запале заявил: «У паэтаў ёсць такое права, // І яго нам нельга забывать: // Наплюваць на грошы і на Славу. // І на вечнасць нават наплюваць», и тем не менее он все же чувствовал, что Славой не обижен. Ну, если не Славой, так читательским вниманием и признанием, даже любовью — это бесспорно. А что важнее — неуловимая, капризная Слава или людское признание? Он сам пытался разобраться в этом хитросплетении призрачного и неуловимого, реального и живого. Хотя и немного наивно, по-мальчишески, как это мог себе позволить, словно играя в прятки с

ней, и все же домогался разговора с молчаливой Славой, ждал ответа.

Дабрыдзень, Слава!
Што ж маўчыш?
Ці ў мяне не тыя песні,
Ці мне той груз не па плячы,
Які раней паэты неслі?..

Няўжо, скажы, і я не той,
Няўжо я з тых, якіх так многа?..
Ківае Слава галавой
І не гаворыць мне нічога.

Я не крыўдую.
Будзь, як дым!
І хоць вянок прасіць твой — сорам,
Чаго ж нам сорамна дваім,
І ні аб чым мы не гаворым?

Не надолго ли затянулось это молчание?.. И все же, как бы ни складывалась жизнь, как бы ни менялись взгляды и отношения людей к творческим личностям, к их наследию, есть еще одна выверенная столетиями истина: не все, что было создано талантливо, было его жизнью и призванием, теряется во времени. Повезло ли Анатолю, не стала ли длинной дорога к нему и его поэзии для нас, современников, которые живут в сегодняшней суетливой действительности? Однозначно утверждать не берусь. Но к размышлениям и выводам все же прийти можно.

«І вясной узыду…»

Помню, кажется, это было в мае, ко мне в редакцию пришел молодой человек. С виду — вчерашний школьник. Назвался Сергеем Ковалевым. Сказал, что учится на белорусском отделении филфака. Заканчивает первый курс.

— Меня прислала наша преподавательница Ольга Васильевна Козлова. Хотим пригласить вас на литературный вечер, посвященный памяти Анатоля Сербантовича. В этом году исполняется сорок лет со дня его рождения. Ольга Васильевна сказала, что вы учились с ним какое-то время, часто встречались, дружили. И вам, конечно, есть что рассказать нашим студентам. Вечер будет вести Ольга Васильевна. Она расскажет студентам о творчестве Анатоля Сербантовича, прочитает его стихи, которые ей очень нравятся, потом я прочитаю доклад. Ну, не доклад, а мои заметки о творчестве Анатоля Сербантовича. С интересом

послушаем ваши воспоминания. Студенты прочитают стихи поэта, они нравятся многим. Если придете, увидите, как мы подготовились.

Как я мог отказаться?

Студенческая аудитория по улице Красноармейской, где тогда находился филфак, куда и сам когда-то вечерами торопился на лекции, в тот раз была тесноватой. Стульев и столов, что обычно стояли в ней, оказалось мало, поэтому с полдесятка заняли их в соседних аудиториях. Стоял небольшой стенд с книжками и журнальными публикациями Анатоля Сербантовича. Привлекал внимание наклеенный на картонку портрет. Скромно, но довольно пристойно, наглядно, с уважением к памяти поэта, который так мало пожил, но успел оставить след в нашей литературе.

Все было так, как рассказывал мне Сергей Ковалев, приглашая на встречу. Открыла вечер приветливая, любимая студентами Ольга Васильевна. Свои заметки прочитал Сергей, и не просто заметки, а курсовую работу по творчеству поэта. Поделился воспоминаниями и я. Старался не кривить душой, а рассказал обо всем, что раскрывало образ поэта, позволяло увидеть его таким, каким он был в жизни.

Конечно, стихи читали в основном девушки, поэтому в их декламации перевешивала в основном лирика, наиболее близкая их чувствам и настроению, которая, как мне казалось, трогала слушателей, словно разговаривала с нами голосом и сердцем живого поэта, голосом красоты и молодости, романтической возвышенности и влюбленности. Казалось, не они, а он сам проговаривал строки, стоя перед аудиторией, словно ученик перед классом, волнуясь и взвешивая каждое слово, наполняя верой в силу жизни каждую строку.

Упаду,
Упаду
На лугу ці палетку
І вясной узыду
Самай простаю кветкай.

Будуць зоры цвісці,
Будуць пець за гарою,
Будуць людзі ісці
Ля мяне,
Нада мною.

Меня очень удивил и впечатлил доклад Сергея Ковалева. Слушал его, и не верилось, что вышел он из-под пера «зеленого» первокурсника: так обстоятельно, глубоко, заинтересованно, а

главное — с какой-то внутренней любовью и теплотой он сумел раскрыть в своем, можно сказать, литературоведческом исследовании страницы жизни и творчества Анатоля Сербантовича, что взволновало в те минуты не только меня одного. И я подумал, что у этого студента, Сергея Ковалева, талант филолога, будущего ученого. Он может вырасти в интересного исследователя белорусской литературы.

И я не ошибся. После учебы в БГУ Сергей окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Но это еще не все, что стало его увлечением и творчеством. Он не ограничился литературоведением и критикой. Плодотворно дебютировав в печати стихами, со временем стал писать прозу — сказки для детей, которые издал сборником «Мэва». Потом вполне зрело перешел в драматургию. Кто не встречал его имя на афишах наших театров, в которых с успехом ставятся спектакли по пьесам Сергея Ковалева? А мне приятнее вдвойне, что я в свое время поверил в его талант, не отказал, когда Сергей обратился ко мне за рекомендацией для вступления в Союз писателей Беларуси. Первое юношеское увлечение творчеством Анатоля Сербантовича у Сергея не было случайным и временным. Он не один год продолжал собирать факты из его жизни, изучал наследие поэта, встречался с мамой Анатоля, беседовал с друзьями и знакомыми, с наставниками и односельчанами, которые хорошо знали Анатоля. Он и меня просил несколько раз написать воспоминания, но к моему стыду, обещая, я откладывал это от встречи к встрече, но так и не собрался. Может, этими страницами как-то оправдаюсь перед ним.

Следует быть благодарными Сергею Ковалеву за его поиски и находки. В 1989 году в издательстве «Мастацкая літаратура» (только через восемнадцать лет после издания первого сборника поэта!) вышла книга Анатоля Сербантовича «Жаваранак у зеніце». В ней стихи, баллады, поэмы, венки сонетов, что печатались в прежних сборниках, а также многое из неопубликованного, из семейного архива. Составителем книги, автором предисловия стал Сергей Ковалев. Перелистывая страницы сборника, вчитываясь в знакомые строки, через временное расстояние я увидел много нового для себя, того, что позволило заново понять и постичь самобытный талант поэта Анатоля Сербантовича, понять, что способствовало формированию его поэтического вкуса, характера, мастерства, жизненных принципов и гражданской позиции. Откуда в нем ершистость и дерзость, непримиримость с тем, что он видел, что считалось правильным, нормальным, что воспитывало его характер, помогало оставаться самим собой.

Признаюсь, я немало удивился такому, например, открытию: школьником поэт Сербантович «стихи не любил и избегал их аж до старших классов, — подчеркивал автор в предисловии, — но то, что родилось, что горело и билось в сердце Поэта, — никогда не погаснет, не уйдет в небытие». Как хочется в это верить и надеяться! Однако после сборника «Жаваранак у зеніце» больше ничего не издавалось. Так какая у нас память?

Но радует, что это издание не потерялось. Анатоля читают. И не только читают, а кое-кто пытается замахнуться на его авторство и на то, что им больше всего понравилось из его наследия, тихонечко позаимствовать, не удержавшись от искушения плагиаторства. За десятки лет работы в журналах «Бярозка» и «Вясёлка», принимая участие во многих конкурсах и слетах, работая с юными литераторами в кружках, мне не раз приходилось «выводить на чистую воду» искателей удачи такого рода, сражаться с тем, чего не мог терпеть сам Анатоль. Может, он втайне и порадовался бы, что «крадут» именно у него, но я уверен, вряд ли удержался бы от желания серьезно приструнить «штрафника» за такое незначительное и безобидное, казалось бы, «злодейство».

Чтобы никто не подумал, что занимаюсь пустословием, расскажу об одном только случае.

Как-то на очередное занятие литературного товарищества «Купалінка», которым я тогда руководил, приехал из Боровлян ученик местной школы, десятиклассник Юрка С. В этой школе уже не один год работал литературный кружок, десятки юных авторов прошли в нем учебу, и несколько стихов, которые прочел нам юный автор, были встречены бурными аплодисментами. Посыпались вопросы: «Почему ты, Юрка, раньше не приезжал на наши заседания «Купалінкі»? У тебя же такие прекрасные стихи!»

Поддавшись настроению друзей «Купалінкі», подкупленный зрелостью и поэтической свежестью услышанных строк, я предложил окрыленному автору отдать мне все, что он принес с собой. И он охотно передал мне тетрадь, а в ней стихотворений пятнадцать, если не больше. Уже дома, когда я стал внимательно их читать, у меня начало закрадываться подозрение: может, это не его стихи? Уж больно не по возрасту совершенны!

Прогнав сомнения, я включил несколько стихотворений Юрки С. в радиопередачу «Першыя сцяжынкі», которую в то время готовил и вел на Республиканском радио. Чтобы еще больше поддержать молодого автора, уже намеревался отдать их в газету «Чырвоная змена». Это я делал уже не раз. Алесь Бадак, в то время консультант, был не против такого моего покровительства молодым авторам. Но чем дальше, тем больше продолжал

подтачивать внутреннее чувство червячок сомнения, с каждым новым прочтением стихов начал осознавать: я же их где-то читал! Но у кого? Не у Сербантовича ли? Не совсем обычная рифмовка и это «У». Анатоль часто, почти в каждом стихотворении, делал такие «грамматические» нарушения: для сохранения ритмики строки не сокращал «У» после гласных букв. И в стихах Юрки С. такой же рисунок. Неужели так приглянулись ему стихи Анатоля, что он решил стать литературным вором! И как они попали к нему, из какого сборника? Сомневался, что через пятнадцать лет мог найти в библиотеке, скажем, сборник лирики «Жаваранак у зеніце», не говоря уже о книжках более раннего периода. «Жаваранка» долго искать не пришлось: как и «Міннае поле» — с автографом автора я хранил под рукой.

Листая сборник, поначалу не мог зацепиться ни за одну строку, которая могла бы меня вывести на плагиат. Стало подкрадываться сомнение: может, я ошибся, может, зря обвиняю юношу в греховном поступке? Когда же дочитал до стихов в сборнике «Пярсцёнак» и «З неапублікаванага», сомнения мои окончательно рассеялись: именно из этой книжки переписал Юрка С. стихи, с которыми дебютировал на заседании нашей «Купалінкі», и успел получить радийно-эфирные, но все же «дивиденды». Успел прославиться! Не одно и не пять, а все стихи, которые он тогда передал мне, были «позаимствованы» из книги Анатоля Сербантовича.

Чтобы особенно не ранить неудачливого искателя поэтической славы, посоветовавшись с руководителем школьного кружка, я решил не выносить этот поступок Юрки С. на обсуждение очередного заседания «Купалінкі». Договорились, что преподавательница поговорит с ним с глазу на глаз. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь, обо всем каким-то образом стало известно «купалинцам». И они с недоумением спрашивали меня: «Неужели Юрка мог пойти на такое?» Только сам Юрка этого не слышал, мы больше его не видели на своих заседаниях. Правда, через учительницу он попросил у меня прощения.

Одно порадовало в этом происшествии: видно, сильно тронули его сердце стихи поэта, если молодой парень, еще школьник, захотел выдать их за свои. А я, благодаря Анатолю, смог остановить его в начале пути, который, возможно, мог бы привести к большим неприятностям самого Юрки С., а также сотрудников редакций, которые по неопытности могли пропустить «его» стихи в печать.

Сколько на моем пути случалось подобного.

«Чаму ў нас паэтаў — як бяроз…»

Кажется, было только вчера: стоим над подбитым песком холмиком, покрытым живыми цветами и венками, не пряча слез, прощаемся с Анатолем, а минуло уже сорок пять лет! Непросто в памяти восстановить тот мартовский день, было ли небо в тучах, или солнце светило ярко, одно осталось в сердце незаживающей раной — тоска и печаль, которые не давали пробиться в те минуты в душу каждого из нас проблеску теплой ранней весны.

Жменькі жвіру пірунамі
Б'юць у дамавіны дах.
Пачала расці між намі
І табою розніца ў гадах.

Горка нам — былым тваім суседзям
І сябрам тваім усім.
Ці пазнаеш, як прыедзем
Да цябе праз многа зім?

У жалобных соснах бачым,
Ручаёк, другі прабег, —
Гэта пацямнеў і плача
Твой апошні снег.

Микола Малявко написал эти строки и вплел их в венок памяти нашего друга после прощания с ним. Я не ожидал, что он, собираясь со мной к Анатолю пасмурным ноябрьским днем, как раз на Дзяды, прихватит страничку из школьной тетради (словно знал его привычку доверять свои мысли и строки школьной тетрадке), воспроизведя на ней строки своего давнего посвящения, чтобы передать мне: «А вдруг пригодится!»

Не ошибся, еще как пригодилось! Там, на кладбище, я мысленно их прочитал. Может, он не заметил, а мне сразу бросилось в глаза, как легкое облачко упало, казалось бы, на беззаботные лица моей дочки Насти и зятя Вячеслава, когда этот рукописный листок побывал в их руках. В тот день они захотели присоединиться к нашей поездке на Восточное кладбище, на могилу поэта, о котором услышали впервые.

Прикупив в магазинчике довольно симпатичный букет искусственных цветов, мало отличающийся от живых, которыми заранее запасся Микола, опередив моих семейников, медленно ступаем, словно сквозь гранитный лес, присматриваясь к могильным плитам и памятникам, встречаем знакомые нам имена тех, кто также здесь нашел свой последний покой: Пимен Панченко, Кастусь Кириенко, Владимир Короткевич, Евгения Янищиц, Анатоль Гречаников, Алесь Бачило, Евдокия Лось.

К могиле Анатоля Сербантовича асфальтированная дорожка, изрядно выбитая, привела нас совсем неожиданно. Думали, что увидим ее еще издали по знакомым мне деревянным статуям и цепям, — такую могилу видели еще совсем недавно, тут — ни статуй, ни цепей. Может, такое необычное «украшение» на краю дорожки рядом с добротными памятниками кого-то отпугивало или смущало, и поэтому соответствующие службы решили убрать их? А может, они от неумолимого времени утратили прежний вид, подгнили, а цепи изъела ржавчина, все стало действительно неприглядным? А может, кто из родных распорядился — жена Валентина, сестры?..

Открытая со всех сторон, какой-то беззащитно-скромной, даже сиротливой показалась нам могила Анатоля в тот момент. Нет, нет! Не забытой и заброшенной, заросшей густой травой. Чувствовалось, что кто-то время от времени ухаживает за ней, даже побывал незадолго до нашего прихода: около плиты с портретом Анатоля стоят лампадки с запасом свечей, вот и коробок спичек среди них. Кто-то продумал все до мелочей. Еще не успели утратить своей привлекательности искусственные цветы. Зелеными свечками тянутся вверх посаженные кем-то туйки. Дай Бог им выжить, и тогда они подарят поэту ласку земной жизни и голос раннего жаворонка. Но. Чувство вины затрепетало в груди, застучало, словно молоточком, в висках: «Прости, Анатоль, за такую забывчивость, за долгий путь к твоей печали, покинув тебя наедине с ней, в этой сосново-хвойной тишине».

Над нами, в кронах сосен чувствуется дыхание ветра, таинственно шумят мохнатые ветки, словно делятся с небесами говорливой радостью высоты, а внизу, на земле, все окутала трепетная тишина, даже слышно, как сильно стучит сердце.

Мы молча кладем цветы на серый камень, вчитываясь в слова, выбитые на нем: «Не думайце з трывогаю пра вечнасць.» Их Анатоль написал еще при жизни, когда об этой вечности в его мыслях-намерениях даже намека не было. А случилось же, случилось.

Заметив россыпь желто-красных березовых листьев, что, как мотыльки, припали к влажной плите, оглядываюсь вокруг, ищу глазами березы. Удивительно: только две или три замечаю вдали от этого уголка, среди зеленохохластых высоких сосен-старожилов, которые взяли под надежную охрану покой этого почетного столичного кладбища. Порывистый ветер, который осмеливается нарушать их покой, своевольно срывает эти листья с позолоченных осенних веток, чтобы занести сюда, словно знает, что Анатоль очень любил березы и во многих стихотворениях не

прятал своей влюбленности в них. Березы были для него «як сімвал нашай чысціні», он сравнивал их с девчатами из балета, с градусниками леса и свечами.

Мы вернулись с Миколой Малявкой на остановку, а в головах у нас снова ожили строки, которые когда-то приводили в восторг не просто глубиной поэтического вдохновения, но и серьезным философским содержанием. Оно очаровывает, его хочется повторять и повторять, как песню.

Чаму у нас паэтаў — як бяроз,
Чаму у нас бяроз — нібы паэтаў,
І цёпла сэрцу ў студзеньскі мароз,
І нават самай цёмнай ноччу светла.
І вецер мне шапнуў тады:
«Бяроз У нас так многа ў вёсках і на полі
Таму, што імі асвятлялі лёс
І цёмную цяжкую долю».

А лес трывожнай бронзай празвінеў:
«Таму так многа ў нас было паэтаў,
Каб за ўсіх, хто гаварыць не ўмеў,
Яны пра край наш расказалі свету».
Таму у нас паэтаў — як бяроз,
Таму у нас бяроз — нібы паэтаў,
І цёпла сэрцу ў студзеньскі мароз,
І нават самай цёмнай ноччу светла.

Только до боли жаль, что никто и ничто в этой жизни не может защититься, спастись от неизбежности судьбы: у берез прежде времени забирают красоту и жизнь безжалостные пилы и топоры, а у поэтов — неумолимая косилка-смерть и сырая земля. Своя земля, с детства родная, словно домашний порог, но все равно сырая.

Но будем благодарны судьбе: людям остаются память и песни. Как и о тебе, Анатоль, как и твоя щемяще-проникновенная песня.

«Гэта песня плыве над зямлёй, // Праплывае праз зімы і леты. // Гэта песня, якая табой // На прадвесні была недапета». Чтобы ты знал и услышал, чтобы сказать тебе эти слова, наш друг Федор Черня также мартовским утром ушел вслед за тобой через тринадцать лет (какое совпадение, какой поворот судьбы!), не сказав нам своего последнего «Прощайте!». Встретились ли там? С ответом, Толя, не спеши.

Не хотелось верить в случайность твоих выстраданных слов, да, вероятно, была твоя правда, когда ты пророчески сказал: «Тых, з кім дзеліцца неба сакрэтам, // Маладым забірае зямля».

И еще в одном хочу согласиться с тобой, с твоим предвиденьем: «Фіміям курыць цяпер не ў модзе. // Можа, можа потым праз гады // Хтосьці назаве нас у народзе // Як паэтаў шчасця і бяды». Это все же — о себе самом, о тебе!..

«И весною взойду…»

Когда работал над этой повестью, закрадывалась в подсознание мысль: помнят ли земляки своего знаменитого поэта, что сделали они, чтобы увековечить его имя? Может, подсказать им, напомнить, какого мастера поэзии родила их земля, настоящего творца, которым можно гордиться. Тем более — накануне юбилея: 13 мая 2016 года Анатолю Сербантовичу исполнилось бы 75!

Своими мыслями я поделился с Казимиром Камейшей и Миколой Малявко. «А почему бы и не попытаться? — поддержали они мои намерения. — Разве Анатоль не достоин того, чтобы его знали и помнили, хотя бы на родине». Зашел к первому секретарю Союза писателей Беларуси Геннадию Пашкову, который хорошо знал Анатоля, рассказал о своих мыслях, надеясь заручиться его поддержкой.

— Я согласен с вами, предложение дельное, и его стоит обсудить на ближайшем заседании секретариата. Оформите свою идею в письменном виде. Кто-кто, а Толя достоин чести быть увековеченным в памяти своих земляков. Надо поинтересоваться мнением и Владимира Дуктова, председателя областной Могилевской организации.

Но ни нам, ни Пашкову не пришлось беспокоить руководство областной писательской организации. Василь Макаревич, развернув как-то очередной номер газеты «Літаратура і мастацтва», увидел новую подборку стихов, а в ней — стихотворение «Вуліца Анатоля Сербантовіча». Не веря своим глазам, начал читать. Словно заново листал страницы Толиной биографии и возвращался в нашу молодость, в ту пору, когда даже во сне слагались стихи.

Ці думаў,
Як у вёсцы тузаў лейцамі,
Ці крочыў дзесьці ў мітусні людской,
Што прозвішча даверліва прылепіцца
Да пабудоў, з акрасай
Гарадской?

З капрызнай музай,
Быццам з маці хроснаю,

Віхрасты і няўседлівы, як драч,
Умела кросны ты снаваў за кроснамі
І ткаў палотны вершаў,
Нібы ткач.

Ты за радок
І гузіка не выменяў,
Хоць гэты свет — таргаш і Галівуд.
А вуліца, з тваім уласным іменем, —
Нібыта ўлетку снег —
На галаву!

На клёнах
Раскашуюць птушкі пеўчыя,
Сярод галля ім у цяпле — лацвей!
Былі гады, калі не меў капейчыны,
Цяпер ты — з багацеяў
Багацей!

Ад гэтай весткі
Можна і расчуліцца.
Ды напаслед скажу я пару слоў,
Што на тваёй пераначую вуліцы,
Калі паеду ў горад
Магілёў.

В тот же день позвонил Василю Макаревичу: откуда узнал, что в Могилеве есть такая улица?

— Не помню уже, в какой газете, но попала мне на глаза информация, что в Могилеве появился микрорайон, где улицы названы именами писателей, которые родом с Могилевщины. Как видишь, не забыли и Толю.

А меня не покидала мысль: как бы самому прочесть, убедиться в правильности информации, которая подтолкнула Василя написать это стихотворение. Подтверждение я нашел в беседе корреспондента газеты «Літаратура і мастацтва» с Владимиром Дуктовым. Рассказывая о творческих достижениях областной организации, он заметил: «Могилевский городской совет поддержал наше предложение и назвал улицы и переулки нового жилого микрорайона именами белорусских писателей, которые судьбой и творчеством были связаны с Могилевщиной. Есть среди них улица Платона Головача, Янки Журбы, Василя Коваля, Анатоля Сербантовича, Эдуарда Валасевича, Миколы Лукьянова».

Значит, правда! Значит, есть такая улица, которая позовет

однажды меня в дорогу, чтобы поздороваться с другом далекой молодости, как с живым: «Добрый день, Анатоль! Ты вернулся, ты с нами!»

Перевод с белорусского Нины ЧАЙКИ.